

Сергей Пономаренко

ЛОВУШКА
В ВОЛЧЬЕМ
ЗАМКЕ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Сергей Пономаренко

Ловушка в Волчьем замке

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2016

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Пономаренко С. А.

Ловушка в Волчьем замке / С. А. Пономаренко — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

ISBN 978-5-9910-3687-0

Родовое проклятье. Завещание. Смерть по расписанию. Тимош Вакуленко, племянник покойного по жене, становится главным подозреваемым. В какой-то момент даже он сам начинает верить, что совершил это убийство, но так ли было на самом деле? Когда все твоё окружение имеет мотив для совершения преступления, трудно найти виновного. А это значит, что убийца будет продолжать...

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

ISBN 978-5-9910-3687-0

© Пономаренко С. А., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Пролог	6
Часть I. Спокойной ночи, босс!	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Пономаренко

Ловушка в Волчьем замке

© Пономаренко С. А., 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

Наверху! Вот прекрасное слово! Вся моя жизнь была определена этими противоположностями: верх-низ. С детства я безнадежно стремился быть наверху. И вот я там. Ныне, когда я достиг вершины, я умру, оставаясь на ней.

Сальвадор Дали

У старых грехов длинные тени.
Агата Кристи

Пролог

Житомирское Полесье. Имение Вилкаса

По парку, примыкающему к огромному дому в стиле старинного замка-дворца, двигалась странная парочка. Девушка в красной бейсболке, облегающей открытой майке и очень коротеньких шортах-трусиках, почти не прикрывающих ее упругий задок, бежала неторопливой трусцой. Ее ровное дыхание и размеренный, отработанный шаг стайера говорили, что бежать ей в удовольствие и столь низкий темп она держит из-за спутника – атлетически сложенного мужчины среднего возраста, в синей бейсболке и таких же синих майке и трусах, передвигающегося рядом на инвалидной мотоколяске. По-дружески болтая, они прогуливались по асфальтированным дорожкам среди деревьев и копий античных статуй. Прелестная пасторальная картинка служила им фоном.

– Рассмешила ты меня! – заулыбался мужчина, и его квадратное лицо с мощным подбородком боксера расслабилось и слегка поплыло. Такое выражение бывает у хищника, когда он сыт и не желает, чтобы нарушали его покой. – Марат? Я понимаю, что это интерпретация твоего имени, но оно мужское.

– В школе, в первом классе, меня незаслуженно обидел мальчишка, и, вместо того чтобы расплакаться, пожаловаться учителю, я со всего маху врезала ему головой в живот. Удар спровоцировал у него приступ аппендицита. Когда меня спросили, почему так поступила, я расплакалась и сказала, что это была не я, а Марат. С тех пор близкие друзья, которым известна эта история, меня так называют.

– Марат! В этом что-то есть! Буду тебя так же называть – Марат. Ведь мы с тобой близкие, – мужчина сделал на этом слове ударение, – друзья.

– Вы – босс. И можете меня, – девушка сделала ударение на этом слове, – называть как хотите.

Мужчина нахмурился – он понял намек.

– Лучше поговорим о делах наших скорбных – служебных. – Теперь мужчина говорил жестко. – Ты звонила Пилипчуку и передала мои требования?

– Все до последнего слова, ничего не упустила. Пилипчук просит вас отсрочить возврат долга и не применять штрафные санкции, мотивируя это тем, что мировые цены на зерно упали, а ему весной пришлось много пересевать, да и удобрения все время растут в цене. В разговоре он раз десять упомянул, что вы друзья, а с друзьями так не поступают.

– В бизнесе, как и в преферансе, друзей нет, есть лишь партнеры. А партнеры, как известно, величина переменная.

– Он обещал в самое ближайшее время приехать к вам, чтобы в личной беседе найти компромисс.

Дорожка вывела их на открытую местность – огромный газон с клумбами.

– Не верится, что не так давно здесь были корты и я играл в теннис... – с грустью произнес мужчина.

– У вас обязательно все наладится! – попыталась подбодрить его девушка.

– В этом не сомневаюсь, – жестко произнес мужчина. – И в утешениях я не нуждаюсь.

Раздался звук, словно невдалеке треснуло сухое дерево, бейсболка слетела с головы мужчины, и по его лбу потекла кровь. Он резко рванул на себя все еще бегущую девушку и вместе с ней и коляской, тоже продолжавшей двигаться, опрокинулся на землю. Второй

выстрел поднял фонтанчик земли в двух метрах от них. Девушка, лежа спиной на мужчине, заорала, отчаянно размахивая руками и ногами.

– Не ори! – прикрикнул на нее мужчина. – Ему нужен я, а не ты!

Он высвободился и отполз под прикрытие мотоколяски.

– Идиот! – заорал он в мобилку. – В меня стреляют! Молнией на старые корты!

Дрожащая девушка устроилась рядом с ним и надела упавшую бейсболку, но мужчина резким злым движением сорвал ее и швырнул на землю:

– В этом «семафоре» ты – прекрасная мишень!

Послышался шум мотора – к ним на бешеной скорости мчался черный джип.

– Друзья мне не надоедают никогда, друзья меня убивают иногда!¹ – с чувством и иронией произнес мужчина.

Джип остановился рядом с ними, и двое охранников, вооруженных автоматом «Сайга» и помповым ружьем, бросились в сторону леса, начинавшегося метрах в двухстах от них.

Коротышка с большими ушами подскочил к мужчине:

– Григорий Антанасович, вы ранены?

– Не дождетесь – только царапина. Попади он на пару сантиметров ниже – и вы остались бы без работы. Хотя я об этом еще подумаю!

– Сейчас собаку привезут – выловим подлеца, никуда не денется.

Два охранника подхватили мужчину и занесли в джип, а следом и мотоколяску. Джип укатил, оставив на месте происшествия девушку, которая вновь надела бейсболку и неторопливо побежала в сторону дома.

* * *

Киллер, чертыхаясь, пробирался через колючие, цепляющие одежду кусты.

– Идиот! – ругал он себя. – Целиться надо было в туловище, а не в голову. С такого расстояния ему был бы каюк!

Добравшись до болота, он перешел на мат, словно это должно было ему помочь, и с отвращением ступил в холодную зловонную жижу. Он знал: если пустят по его следу собак, здесь поиски и закончатся.

¹ Аллюзия на афоризм Ларошфуко «Друзья мне не надоедают никогда, друзья мне изменяют иногда, а недруги мне просто надоели, их постоянство – сущая беда». (Здесь и далее примеч. автора.)

Часть I. Спокойной ночи, босс!

1

Пассажиры недавно приземлившегося двухпалубного аэробуса «Боинг-747» рейса Париж – Киев проходили пограничный контроль, теряя терпение и удивляясь дотошности и неторопливости смазливых девушек в униформе, внимательно изучающих их паспорта.

«Нет радостного возбуждения при возвращении домой, а ведь прошло более двух лет», – с удивлением отметил Тимош Вакуленко, получив обратно паспорт от архисерьезной чернявой девушки, исполнявшей свои обязанности в прозрачной кабинке, и направился в багажное отделение. Это был высокий привлекательный двадцатитрехлетний брюнет с длинными волосами, стянутыми на затылке в хвост, внешне напоминающий актера Ди Каприо в молодости. В белых льняных брюках и свободной расписной футболке, не скрывающей его спортивную, поджарую фигуру, он невольно выделялся в толпе пассажиров и притягивал взгляды женщин.

Делано радушный женский голос доносил через динамики информацию для провожающих-отъезжающих; багажная «карусель», как тихоструйная речка, несла к ногам нетерпеливых пассажиров их родные сумки и чемоданы с милыми сердцу тапочками, подарками и прочей ерундой. Тимоша переполняли противоречивые ощущения. За время, проведенное во Франции, он отвык слышать родную речь. С другой стороны, все было до боли знакомо и буднично, казалось, что он никуда не уезжал и его парижская жизнь была не иначе как сном.

Большинство пассажиров рейса Париж – Киев составляли его соотечественники. Рядом с ним пристроилась темноглазая и темноволосая попутчица, она что-то беспрерывно говорила, говорила, говорила грудным голосом с завораживающим придыханием. Он ее не слушал – догадывался, что она настроилась на продолжение знакомства после общения во время полета. Они сидели рядом, а дорога всегда располагает к разговору. И еще: она напомнила ему Моник. Темноволосую нежную смешливую Моник... Только Моник носит короткую стрижку с подбритым затылком, которая ей очень идет, гармонируя с ее худощавой фигурой манекенщицы. У попутчицы были длинные черные волосы, собранные на затылке в «ракушку».

Два с половиной счастливых года, проведенных в Париже, перевешивали двадцать лет жизни, прожитых до этого. Во время полета Тимош с тоской вспоминал вечерние прогулки вдоль ленивой и загадочной Сены, блистающие огнями праздничные Елисейские поля, богемные Монмартр и Монпарнас, шумную и веселую атмосферу уютных бистро, неповторимые вечера в легендарных кафе «Два мага», «Де Флор», «Дом», «Клозери де Лиля», «Ротонда». Что сейчас делает любимая? Вспоминает ли его? И как скоро он вернется в Париж? Несколько часов разлуки с любимой уже растянулись на болезненно долгое время. И когда он снова ощутит ее рядом с собой?

Заметив свою тощую коричневую сумку среди увесистых баулов соотечественников, Тимош легко подхватил ее. Попутчица продолжала назойливо вертеться возле него, следуя за ним как тень, гордо выставляя напоказ выпирающую из глубокого декольте грудь четвертого размера. Он из желания убить время поговорил с ней, а она наверняка вообразила себе невесту что! Пожалуй, за время их совместного полета успела мысленно выйти за него замуж, родить троих детей, построить дом, завести собаку, развестись с ним, отсудить себе дом и вытребовать алименты... Знал он таких эмансипе с журчащим грудным голосом... Своей любимой Моник он не изменит никогда! И вообще, он однолюб!

Все же на прощанье Тимош чмокнул неумолкающую попутчицу, подставившую щеку, но, промазав, попал ближе к уху, и подался к выходу. Девушка успела сунуть ему в карман брюк листок. Тимош решил избавиться от него чуть позже, не демонстративно – ведь не кирпич в карман ему сунула, а номер мобильного телефона. Из ее бесконечного потока слов ему запомнилось лишь одно: узнав, что он художник-портретист, она захотела заказать ему портреты – себя и своего малютки. Исходя из цели поездки на родину, Тимош понимал, что у него вряд ли на это найдется время. Да и не хочется ему тут задерживаться – в Париже ждет любимая Моник!

Тимош прошел через «зеленый коридор» – ему нечего было декларировать. Вещей в сумке кот наплакал, а из ценностей – раритетное издание «*Journal d'un génie*»², подарочное издание «Тайной жизни Сальвадора Дали, рассказанной им самим», планшет и фотоаппарат «Никон». Эти книги Тимош не случайно всюду возил с собой, так как был ярким почитателем Сальвадора Дали как художника и избрал его себе в качестве незримого наставника. Тимош, как человек амбициозный, жаждал мировой славы и, несмотря на увлечение далинизмом и сюрреализмом, избрал стезю художника-портретиста.

«Если ты играешь в гения, ты им становишься», – поделился ключом к успеху гениальный до безумия Сальвадор, но мало это знать – этим надо жить, верить в это и творить! У Тимоша пока не получалось посвятить этому всего себя, но он жил в ожидании своего звездного часа, не сомневаясь, что тот настанет. Он был убежден: при любых жизненных неудачах нельзя терять веру в собственные силы. Все великие проходили через сомнения и непризнанность, но они упрямо заявляли о себе и в итоге заставили в себя поверить. Настойчивости и упрямства Тимошу было не занимать, но он также реально воспринимал происходящее – пока удивлять мир и завоевывать славу ему было нечем. И он напряженно работал, писал картину за картиной, знал, что это произойдет внезапно, и, как вещал гений Дали: «Комар, ранним утром впивающийся вам в ляжку, может послужить молнией, которая озарит в вашем черепе не изведанные еще горизонты». Тимош шел мелкими шажками к успеху, сберегая силы для рывка, выжидая, когда увидит впереди финишную прямую. Но вот неожиданное приглашение мужа покойной тети Магды заставило его вернуться на родину.

Тимош шел к выходу через общий зал аэропорта, продолжая себе удивляться: нет радости от возвращения в родные пенаты. Даже синдром блудного сына, о котором столько писано и говорено, никак не проявился. В Париже его настоящая жизнь, в Париже! А пресловутая ностальгия, тоска по родным местам – это для пенсионеров!

После смерти матери его здесь никто не ждал. И сам он не желал встречаться с бывшими одноклассниками, однокурсниками, соседями, разве что с другом детства Федей не прочь был повидаться. Все, что было пережито с ними, осталось в прошлом и в закоулках памяти. А прошлое лучше не тревожить, так как оно может самым неожиданным образом напомнить о себе в настоящем. Старый телеспектакль «Не будите спящую собаку» по пьесе Пристли³ предупреждал, что опасно копаться в прошлом и что последствием этого могут стать самые неожиданные события. Еще подростком Тимош смотрел этот спектакль, но почему-то тот ему запомнился на всю жизнь.

Тимош жил настоящим, без давящего груза прошлого, его кредо было: «Только вперед – к будущему!» Жизнь на родине не радовала светлыми воспоминаниями. То ли дело Франция, с которой, без сомнения, он связывал всю свою дальнейшую жизнь! Там – учеба в художественной школе, насыщенная жизнь, веселые друзья. И главное – там Моник, самый любимый человек на свете... Она осталась в Париже, в Латинском квартале, на улице Эколь, и, возможно, сейчас пьет с друзьями латте в старом кафе «Прокоп», а ему пришлось лететь

² «Дневник одного гения» – мемуары Сальвадора Дали, изданные в 1964 году в Париже (фр.).

³ Спектакль поставлен по мотивам пьесы английского драматурга Джона Бойнтон Пристли «Опасный поворот».

сюда, приняв удивительное предложение Григория Вилкаса, мужа его покойной тети Магды. С причудами этого, по сути, чужого для него человека Тимошу приходилось считаться, так как все эти годы дядя финансировал его жизнь в Париже.

«Ах, Париж, Париж!» У Тимоша возникло острое желание вернуться туда – покинуть родную землю, не выходя за пределы аэропорта. «Глупо, раз прилетел сюда! В кармане всего двести евро, этого на обратный билет не хватит. Зачем я согласился на эту авантюру? Ну, поскольку я здесь, встречу с мужем покойной тети, узнаю его истинные намерения и – адьо! Домой, в Париж!» Сокрушенно вздохнув, Тимош вышел через распашные прозрачные двери.

Плотная стена встречающих у выхода, сплошь незнакомые лица. И кого он хотел здесь увидеть? Кто спокойно стоит, держа в руках табличку с именем прибывающего, кто нервно вытягивает шею, словно жираф, высматривая кого-то, будто это улучшит зрение. Внимательно изучив таблички и не найдя своего имени, Тимош решил, что его не встречают, хотя это было обещано в письме. Ну ладно, адрес дяди у него есть, а двести евро хватит с головой, чтобы нанять автомобиль для поездки в его имение.

У выхода из зоны прибытия пассажиров толклись «грачи», «бомбилы» – частные извозчики, спешащие перехватить седоков до того, как те попадут на стоянку такси.

– Monsieur, un taxi pour la ville, pas cher!⁴ – услышал он рядом корявый французский от долговязого тощего мужчины, крутящего на пальце брелок с ключами от автомобиля.

– Удиви меня! – рассмеялся Тимош. – Если поездка обойдется дешевле, чем два раза слетать на Луну, тогда я поверю, что за время моего отсутствия здесь что-то изменилось.

– Месье Вакуленко?

Это был скорее не вопрос, а утверждение. Обернувшись, Тимош увидел стройную блондинку в очках с большими темными стеклами. Они мешали разглядеть лицо, зато все остальное было выставлено напоказ: золотые струящиеся волосы; идеальной формы спортивная фигура под полупрозрачным сарафанчиком, который практически ничего не скрывал, зато подчеркивал золотистый загар; губы, покрытые зеркальным блеском золотистого цвета. Она вся была золотая, как... Он задумался, а потом закончил мысль: как статуэтка «Оскар». Ему стало смешно: «Оскар», в смысле гендерной принадлежности, – противоположность этой секси!

Он улыбнулся золотистой барышне:

– Да, я Тимош Вакуленко. А вы кто?

– Я – Марта, секретарь господина Вилкаса. Мне поручено встретить вас.

Сказано это было официальным холодным тоном, и Тимош даже поежился. Золотистая девушка ставила между ним и собой стену официоза. Такова стратегия красавиц – привлечь к себе внимание, и чтобы тот смельчак, которому позволили разрушить эту стену, ощутил себя счастливым, хотя на самом деле он попал в ловко расставленную, заправленную приманкой ловушку. В данный момент стену выстраивало отличное исполнение роли вышколенного секретаря. «Секси, мне до тебя нет дела, меня Моник ждет в Париже!»

Тимош подмигнул «бомбиле»:

– Пролетаешь, дружище! Видишь – меня встречают. Так что полет на Луну откладывается.

«Золотистая статуэтка», не задавая вежливых вопросов – «Как прошел полет? Как вы себя чувствуете?» – строго сказала, словно училка непослушному ученику:

– Ступайте за мной. Машина на стоянке.

⁴ Господин, такси до города, дешево! (*фр.*)

Гордо неся себя, походкой манекенщицы на подиуме она направилась к выходу из терминала. Тимошу не понравилась роль послушной собачки, которую тащат на поводке, и он съязвил:

– Как мне повезло, мадемуазель Марта! Половина мужчин в этом зале были бы в восторге услышать эти слова от вас! Et voilà tout⁵, – подвел он черту под своим намерением немедленно вернуться в Париж.

– Считайте, что вы счастливчик. – Марта соизволила на ходу обернуться и подарить ему холодную улыбку. – И для вас все только начинается, – продемонстрировала она знание французского языка.

Взгляд Тимоша непроизвольно скользнул по ее спине вниз, где заманчиво двигались упругие полушария без признаков целлюлита. «Сколько ей лет? Она старше меня, ей явно под тридцатник, но выглядит сногшибательно! Впрочем, чего ожидать от секретаря миллионера?» Тимош вспомнил свою Моник – высокую, худощавую, веселую, нежную и, главное, для него родную. «Любимая, не бойсь! Кроме тебя мне никто не нужен! От золотой секси Марты веет холодом, а от тебя, любимая Моник, – радостью жизни!»

– Постойте, Марта, зачем так спешить? Давайте выпьем кофе и спланируем наши дальнейшие действия. Я угощаю!

– Как вам будет угодно, месье Вакуленко.

– Марта, то, что я прилетел из Франции, не означает, что ко мне надо обращаться «месье». Привычнее по имени – Тимош.

– Хорошо... Тимош.

– Где тут можно поменять еврики, чтобы расплатиться за кофе?

– Вы – гость босса, и это уже моя забота. Для таких целей предусмотрены представительские расходы. Может, вы хотите пообедать? Мы приедем после обеда и задолго до ужина.

– Нет, – мотнул головой Тимош. – Возьму только кофе. И коньяк, пожалуй.

Они уселись у яркой, блестящей металлом стойки бара, за которой выстроились рядами разноцветные бутылки. Марта заказала себе латте, а Тимош – двойной эспрессо и порцию коньяка. Подняв пузатый бокал, рассматривая напиток на свет, Тимош с удовольствием отметил:

– По французским меркам тут две порции!

– Вы удивлены, словно и в самом деле здесь впервые. – Ироничная улыбка промелькнула на губах Марты. – Быстро вы «офранцузились».

– Не так легко перестроиться, но это не важно. Перестань мне выкать, иначе я заставлю тебя выпить со мной коньяка на брудершафт.

– В присутствии господина Вилкаса и его окружения я не смогу с вами фамилльяризовать – он этого не любит.

– А что дядя Вилкас любит? И кого? – Тимош в упор посмотрел на блондинку. «Неужели она просто секретарь? Как говорится, плоха та секретарша, которая не побывала в постели босса». Но Марта невозмутимо пропустила намек мимо ушей.

– Господин Вилкас любит только себя, и кроме себя – никого. Вы уже допили кофе? Нам пора ехать.

– Кофе и коньяк пьют ради удовольствия, а не для того, чтобы утолить жажду.

Тимош не спеша наслаждался напитками, делая маленькие глотки, ловя послевкусие. Марта с подчеркнуто безучастным видом сидела рядом, словно статую или кукла.

⁵ Вот и все (фр.).

«Точно, кукла – нарядная, на вид сексуальная, но... холодная. Хотя бы ради приличия поддерживала бы беседу! Просто ждет, как терпеливая бонна, пока навязанное ей дитяtko свои потребности удовлетворит».

Разомлев от коньяка, выпитого на голодный желудок, Тимош охарактеризовал Марту так: бездушная, расчетливая стерва, возможно, даже имеет виды на дядю. Пожалуй, его приезд нарушил ее далеко идущие планы. Впрочем, какое ему до этого дело? Он не собирается здесь долго задерживаться – в Париже его ждет любимая Моник.

– Я хотел бы заехать в свою квартиру, принять душ, немного отдохнуть.

– Это исключено! Господин Вилкас приказал нигде не задерживаться. Насколько мне известно, ты сдаешь свою квартиру внаем. Имеешь желание познакомиться с арендаторами? – продемонстрировала свою информированность Марта.

«Она хорошо подготовилась к встрече со мной. Это неудивительно, раз дядя решил сделать меня своим наследником».

Арендой квартиры занималась соседка по этажу, давняя мамина подруга Елизавета Петровна, и раз в полгода она пересылала ему полученные от арендаторов деньги. Тимошу стало очень грустно – он вспомнил похороны мамы, как ему помогали соседи. Перед отъездом во Францию он оставил Елизавете Петровне ключи и оформил на нее доверенность. «В самом деле, для чего мне там показываться? Елизавета Петровна все держит под контролем».

– Как бы то ни было, зачем такая спешка? – не удержался Тимош и добавил ехидно: – Мы поедем туда на автобусе и уже опаздываем на рейс?

– Господин Вилкас – человек непростой в общении. Он не любит, чтобы ему противоречили, игнорировали его приказы. Любое его пожелание следует выполнять без возражений и незамедлительно.

– Марта, ты думаешь, что я приехал, чтобы исполнять роль слуги? Я человек свободный, могу сейчас развернуться и улететь обратно в Париж ближайшим рейсом.

– Можешь улететь и можешь остаться – твое право. Во втором случае мои советы будут весьма полезны, чтобы твое пребывание здесь чем-нибудь не омрачилось. Вопреки твоему желанию.

– С чего это ты так заботаешься обо мне? – неприязненно произнес Тимош. – Ты впервые увидела меня и сразу решила, что я нуждаюсь в твоей опеке?

– Господин Вилкас очень сложный человек, и ужиться с ним кому бы то ни было непросто. Как я поняла из нашего недолгого общения, у тебя тоже с этим проблемы. Одноименные полюсы, как известно, отталкиваются.

– Расскажи мне о дяде, – пьяно улыбаясь, попросил Тимош, толкнул опустевший бокал по полированной стойке по направлению к бармену и сделал знак, чтобы тот его наполнил. Искоса взглянул на Марту: как та отреагирует? Никаких эмоций! – Ты его боишься. Может, и мне стоит побережться? Расскажи, что он за человек? А может, он робот? Инопланетянин?

– Волк.

– В смысле? Что значит «волк»?

– Вилкас по-литовски означает «волк», – бесстрастным голосом произнесла Марта, и это бесило Тимоша. – Этот человек – волк-одиночка. Волк, который держит в страхе всех, кто от него зависит, а он делает зависимыми тех, кто ему нужен. Он никого не любит, кроме себя. И пожирает неугодных. Различными способами.

– Дядя Гриша – волк-людоед?! – Тимошу стало смешно, он подумал: «Может, еще коньячка потянуть?» – и вновь отправил по стойке опустевший бокал бармену, но Марта его перехватила, показав этим, что спиртного уже хватит.

– Зачем ему понадобился я? Он прислал сухое письмо, в котором буквально потребовал прибыть в его имение. Не приеду – он перестанет оплачивать мою учебу в художественной

школе, вообще финансировать мое пребывание в Париже. Это дорогой город, Марта! Очень дорогой! А я хочу стать художником и жить во Франции, а не здесь!

– Письмо готовила я, и там ясно сказано, что господин Григорий Вилкас видит тебя своим наследником. Пусть ты и не кровный родственник, а племянник его жены, но он выбрал тебя.

Тимош пожал плечами:

– Ну и указал бы меня в завещании. Зачем вызывать меня в авральном порядке?

– Видимо, хочет присмотреться к тебе. Узнать, что ты за человек, можно ли тебе доверить в будущем управление его детищем – компанией по добыче гранита.

– Я художник, а не бизнесмен! Мне что, теперь прислуживать ему, чтобы понравиться?

– Это твое дело, и тебе решать, как поступить. Вставай, время не ждет – господин Вилкас намерен сегодня с тобой встретиться.

– А если я не желаю? – Тимош пьяно хохотнул, но все же встал.

Марта внимательно на него посмотрела и, кивком указав на Тимоша, велела бармену:

– Ему двойной кофе и сэндвич!

После еды и кофе алкогольный туман немного рассеялся в голове Тимоша, и он с подозрением посмотрел на Марту. «Уж слишком она откровенничает как для идеальной секретарши, тем более что видит меня в первый раз. К чему бы это?»

– А почему ты помогаешь мне? И какая тебе разница, уеду я или нет? Я свободный человек и не привык следовать чьим-либо правилам.

– Будем считать, что я привыкла добросовестно выполнять свою работу. Господин Вилкас заинтересован в твоём присутствии в его имении. – Марта помолчала, словно собираясь с мыслями, и многозначительно добавила: – Но, может быть, не только это.

– Что же еще?

Марта мило улыбнулась:

– У нас еще будет время для разговоров. Идем к автомобилю.

С первого этажа терминала «Д» они вышли прямо на стоянку. Под конструкциями терминала ощущалась приятная прохлада, температура была не намного выше, чем в кондиционированном помещении, тогда как на открытом пространстве солнце буйствовало в полную мощь, тем более что было уже больше трех часов. Марта направилась к черному внедорожнику «Ниссан-Патрол». Водитель, крупный мужчина лет пятидесяти в белоснежной тенниске, находился в салоне и слушал музыку. Тренированное тело с буграми мышц ясно говорило о том, что он не всю жизнь проводит в водительском кресле.

– Коля, это Тимош Вакуленко, племянник босса.

Марта предложила Тимошу сесть на заднее сиденье автомобиля и сама устроилась рядом. Водитель никак не отреагировал на появление Тимоша, лишь слегка повернул голову и скосил глаза в сторону Марты, всем своим видом говоря: «Ну, что дальше?» Тимош еще до Парижа не раз замечал, что собаки и водители невольно повторяют повадки своих хозяев. Судя по всему, хозяин этого водителя – порядочный хам.

– Коля, едем домой. – Марта открыла сумочку, достала пудреницу и, глянув в зеркало, убедилась, что у нее все в порядке с внешностью.

«Ниссан», неспешно набирая скорость, выкатил на шоссе, на развязке выехал на автостраду и помчался в сторону Киева. Между пассажирами и водителем поднялась звуконепроницаемая перегородка. За окном потянулся сосновый лес, то и дело мелькали богатые усадьбы, соревнующиеся между собой в размерах и архитектурных изысках.

– Насколько мне известно, это будет твоя первая встреча с господином Вилкасом? – Марта сняла очки. У нее оказались большие выразительные голубые глаза, в них читался интерес.

– Да нет. В далеком детстве, когда мне было лет пять, родители несколько раз брали меня с собой в гости к тете Магде. Помню, у них была огромная квартира на Печерске. Муж тети Магды был в необычных блестящих черных сапогах, и я расплакался – так мне захотелось иметь такие же. Много позже я узнал, что это были специальные сапоги для верховой езды.

– Господин Вилкас увлекался верховой ездой, пока около года тому назад с ним не произошел несчастный случай. Преодолевая барьер, лошадь упала и придавила всадника. Он получил серьезную травму позвоночника, перенес две операции, сейчас проходит реабилитацию. Рядом с ним постоянно находится врач-массажист.

– Я этого не знал, и в письме об этом ничего не было сказано.

Тимош задумался: инвалидность дяди Гриши стала для него неожиданностью. Что еще его ожидает? Жизнь постоянно подбрасывала ему сюрпризы. В десять лет Тимош потерял отца – тот погиб на охоте при невыясненных обстоятельствах: то ли несчастный случай, то ли самоубийство, то ли кто-то хитро-мудро помог ему уйти в мир иной. У мамы Тимоша на выяснение причин не было ни сил, ни терпения, ни денег. С того времени они с мамой находились в полной зависимости от супругов Вилкас. Вообще-то материальную поддержку им оказывала тетя Магда – сестра мамы и крестная Тимоша. Им грех было жаловаться: тетя Магда не скупилась и ни в чем им не отказывала. Тимош постоянно попадал в разные передряги, как в школе, так и после ее окончания, из которых его то и дело приходилось вытаскивать. Благодаря слезным просьбам мамы и усилиям тети Магды он стал учиться в университете, на факультете международных отношений, но его хватило только на первый курс, и с карьерой дипломата было покончено. После семейного совета ему был поставлен конкретный вопрос:

– Кем ты хочешь стать? Какая сфера деятельности тебя привлекает?

– Хочу выучиться на художника, – не задумываясь ответил Тимош.

Ему и в самом деле нравилось рисовать, и это у него получалось. С помощью тети Магды он вскоре стал студентом Художественного института, проучился полтора года, и тут произошла ужасная история, которая могла для него закончиться совсем плохо. Во время веселой вечеринки, когда Тимош, напившись и обкурившись марихуаной, лежал почти без чувств, в другой комнате произошло групповое изнасилование его сокурсницы, получившее широкий резонанс в СМИ. Пострадавшая девушка заявила, что Тимош в этом не участвовал, но, поскольку речь шла о наркотиках, руководство вуза сочло необходимым распрощаться со студентом, который имел к этому преступлению косвенное отношение.

Самым ужасным было то, что в это время умирала от рака желудка его мама, и после этой истории ее самочувствие резко ухудшилось. Вскоре мамы не стало. У постели умирающей тетя Магда пообещала, что и впредь будет заботиться о Тимоше, пока он не встанет твердо на ноги. У нее возникла идея послать его учиться во Францию, что и было исполнено вскоре после похорон мамы. Тетя Магда пережила свою сестру всего на год – умерла от какой-то болезни. Это известие Тимош получил через месяц после ее похорон – муж тети Григорий Антанасович Вилкас прислал ему письмо, в котором также сообщил, что будет продолжать оплачивать его учебу и проживание в Париже, и до последнего времени свое обещание выполнял.

Три дня назад Тимош получил весьма необычное письмо. Григорий Вилкас видит в нем своего наследника. Тимошу следовало незамедлительно прибыть к нему для участия в составлении завещания. Молодой художник не мог пренебречь возможностью получить в наследство миллионы Вилкаса, пусть даже в весьма отдаленном будущем, и отправился в дорогу, хотя и не понимал, почему дядя требовал приехать срочно. Что-то в этом было не так.

– Марта, а к чему такая спешка? Что-то дядю Григория беспокоит? Его инвалидность не является же угрозой для жизни. Или есть другая причина?

Марта бросила многозначительный взгляд в сторону водителя, хотя от него их отделяла звуконепроницаемая перегородка.

– Господин Вилкас физически крепок, бодр, и со временем он, несомненно, переборет болезнь и встанет на ноги. – И тут же она перевела разговор на другую тему. – Тебе знакомы места, куда мы направляемся?

– Это где-то в Житомирской области? Никогда там не был.

– Имение находится между городами Коростень и Овруч, на Полесье.

– Коростень? Где в стародавние времена древляне убили князя Игоря, а княгиня Ольга жестоко им отомстила? Воспоминания из школьной программы.

– Вилкасы – это древний литовский род. Во времена Великого княжества Литовского они выстроили в этой местности замок, который со всех сторон окружала непроходимая пуща. Рядом были селения, жители которых занимались бортничеством и охотой. Время и войны не пощадили замок, от него остались лишь руины. Два десятка лет тому назад господин Вилкас занялся воссозданием родового замка, но построил его по-новому. Как первоначально выглядел замок, описаний не сохранилось, и господин Вилкас включил свою фантазию, пригласил архитекторов. Перед тем как приступить к строительству, археологи провели раскопки. Найденные старинные предметы находятся в личном музее господина Вилкаса.

– Прикольно! Выходит, я буду жить в средневековом замке.

– Разочарую тебя – это очень современный дом. Впрочем, вскоре сам увидишь.

Автомобиль въехал в Киев, из-за потока транспорта его скорость значительно снизилась. Тимош жадно всматривался в знакомые пейзажи Левобережья, разбудившие в нем воспоминания. Переехав по мосту через красавец Днепр, они свернули в сторону Подола.

Глядя в окно со своей стороны, Марта спросила:

– У Вилкаса был сын. Я его не застала. Что тебе известно о нем?

– Его звали Ярослав, я его почти не знал, – он был гораздо старше меня. – Тимош потер лицо ладонями, словно пытаясь освежить воспоминания. – Мы не общались. Слышал, что вроде он с отцом не очень ладил.

Тимош прекрасно помнил Ярослава и, что греха таить, завидовал ему.

Ярослав был типичным представителем золотой молодежи: блестящее образование, знание нескольких иностранных языков, голливудская внешность, светские манеры. Все время пропадал за границей, дома бывал нечасто. Чтобы привлечь сына к дому, отец купил ему «феррари» – немыслимый по стоимости подарок и, как оказалось впоследствии, для Ярослава роковой. Однажды в ненастную погоду скоростную машину занесло на вираже и она превратилась в груды металла. Ярослав погиб в одну секунду, должно быть, даже не успев понять, что происходит.

Тимошу вспомнились торжественные похороны Ярослава, устроенные с размахом. Черный катафалк «кадиллак», какой он видел только в фильмах; дорогостоящий полированный гроб, так и оставшийся закрытым, – при ударе автомобиль загорелся и взорвался; скованное маской боли лицо тети Магды, ее заплаканные глаза; участок на престижном и безумно дорогом Байковом кладбище, где позднее рядом с сыном упокоилась и тетя. Странно, что дядя, Григорий Вилкас, ему не запомнился, хотя они встречались. Голос его Тимош помнил – громкий, резкий, бросающий в дрожь, а лицо, фигуру – нет. После смерти сына для Магды сестра и племянник стали самыми близкими людьми. Она действительно не жалела для них денег, окружила заботой.

– Так у дяди вроде сестра еще есть, – спохватился Тимош. – Сводная. Она же более близкий родственник, чем я?

– Лайма Антанасовна, – кивнула Марта. – Она имела неосторожность выйти замуж без согласия господина Вилкаса за человека «не из их круга». И тогда между ними словно пробежала черная кошка. К тому же она человек очень энергичный, упрямый, своевольный,

имеет долю в их семейной компании, но значительно меньшую, чем у господина Вилкаса. Всего этого предостаточно, чтобы вызывать неприязнь у господина Вилкаса. Они общаются, но... – Марта многозначительно помолчала и затем перевела разговор на другую тему. – Мама господина Вилкаса, Эмма Александровна, жива, проживает вместе с ним.

– Ого! Ей, должно быть, за девяносто перевалило, если не все сто стукнуло! – воскликнул Тимош.

Ему вспомнилось, как в детстве мама подвела его к сгорбленной старухе, которая ему показалась настоящей Бабой-ягой, и он расплакался. Но она оказалась очень ласковой, кормила его конфетами и гладила по головке. А вот на похоронах Ярослава ее не было, а может, она не выходила из автомобиля?

– Эмма Александровна немного не в себе, но Вилкас, надо отдать ему должное, к ней относится как любящий сын. Для остальных он – волк, постоянно ищущий добычу, сбивший своих приятелей в стаю, чтобы легче расправляться с очередной жертвой.

– Марта, ты его так сильно не любишь?

– Он мой босс, и этим все сказано. Рассказываю, чтобы лишить тебя иллюзий.

Марта замолчала, видимо, сожалея, что разоткровенничалась. Тимош невольно погрузился в воспоминания.

Прошрое уже не казалось таким далеким, вспоминалось много приятных событий. Главное место в этих воспоминаниях занимала Леночка – его школьная любовь, дочь крутого бизнесмена. Они долго встречались, хотя ее родители были против. И тут эта ужасная вечеринка, чуть не сломавшая ему жизнь. Тимош напрягся, вспоминая события того вечера. Придурки Вовик, Спица и Мец изнасиловали девчущку из параллельной группы, предварительно накачав ее спиртным и дурью. Хорошо хоть пострадавшая показала, что он в этом не участвовал, и стараниями тети Магды его из соучастника переквалифицировали в свидетеля. Четырех дней, проведенных в КПЗ, откуда его то и дело вызывали на допрос к следователю, оказывавшему на него давление, он не забудет никогда. Сломался он в первые сутки и подписал все, что подсунул следователь, и если бы не тетя Магда... Как только его освободили, он сразу позвонил Лене, но она не захотела его слушать. Многие друзья тогда от него отвернулись, словно от прокаженного. Только бывший одноклассник Федя повел себя как настоящий друг. Тимош решил, что надо будет как-нибудь ему позвонить, встретиться, попить с ним пивка – им есть что вспомнить. Да, такими друзьями не разбрасываются!

Благодаря тете Магде у него появилась возможность уехать за границу, чтобы учиться в художественной школе, и это был наилучший вариант в его положении. К тому же он сразу вырос в глазах знакомых и бывших друзей. Те, кто отвернулся от Тимоша, стали вдруг называть ему в Париж, желая использовать его для реализации своих планов. Но он повел себя с ними так, как и они с ним, – проигнорировал, ответил молчанием.

«Леночка!» Ее имя заставило сердце биться учащенно, всплывали чудесные воспоминания об их встречах-прогулках вдвоем. «А почему бы и не встретиться с ней?» – загорелся Тимош. Ему вдруг захотелось услышать ее голос, и образ Моник неожиданно будто закрыла туманная дымка.

Тимош вытащил из кармана мобилку.

– Разрешите звонок другу? – иронично поинтересовался он у Марты и, не ожидая ответа, начал набирать номер домашнего телефона Леночки – другого у него не было. Зная, что в это время, скорее всего, она на работе, а может, продолжает учебу где-нибудь за границей, он не надеялся, что она возьмет трубку.

– Алло! – Чудо произошло: она подняла трубку!

– Bonjour! Peux je entendre...⁶ – начал Тимош, но не выдержал и радостно заорал, да так, что Марта вздрогнула: – Ленка, привет! Прилетел из Парижа и мчусь дальше! Из всех номеров телефонов только твой вспомнился! Что делаешь?

– Тимош... – В голосе Лены прозвучали искренняя радость и удивление.

– Он самый. Буду проезжать под твоими окнами, помашу полосатым платочком. Как отреагируешь?

– Отец в больнице, я сейчас у мамы. Запиши номер моего мобильного. – И она быстро продиктовала его. – Сейчас не могу говорить, извини!

Лена отсоединилась. Несмотря на кратковременность разговора, Тимош остался доволен. «Лена не бросила трубку, услышав мой голос, и даже дала номер мобильного! По-прежнему боится мамы, поэтому оборвала разговор. Однако зачем мне номер ее телефона, когда в Париже меня ждет Моник?»

– Друг занят? – с иронией поинтересовалась Марта.

– Мы сами разберемся! – разозлился Тимош и подумал: «Чего она сует нос куда не следует?»

2

После полуторачасовой езды по вполне приличной трассе джип неожиданно съехал на ухабистую грунтовку, уходящую просто в лесную пушу. Через сотню метров грунтовка стала шире и превратилась в настоящую дорогу, только с щебневым покрытием. Но радости от этого было мало, потому что камни из-под колес пулеметной очередью забарабанили по днищу. Джип, чтобы уменьшить канонаду, пополз с черепашей скоростью.

Тимош хмыкнул:

– Такое ощущение, что по этой дороге можно попасть либо в сказку, либо, что более вероятно, на ремонт автомобиля. Хотя первый вариант мне нравится больше. – Он выжидающе посмотрел на Марту.

– Чего спрашиваешь, если скоро сам увидишь?

– В конце дороги избушку на курьих ножках?

– Немного терпения – и окажешься в сказке.

Щебневая дорога сделала крутой поворот и неожиданно перешла в прекрасную современную трассу с твердым покрытием, подобно тому, как бедняжка Золушка превратилась в прекрасную принцессу. Въезд на дорогу преграждал мощный автоматический шлагбаум, рядом с ним красовалась табличка с предупреждающей надписью на желтом фоне: «Частная собственность. Въезд и вход строго запрещены. Злые собаки! Видеонаблюдение». Вправо и влево тянулся металлический забор со спиралью колючей проволоки по верху. Установленная на высоком металлическом столбе видеокамера настороженно вглядывалась зеленым глазом. В нескольких десятках метров от шлагбаума виднелся домик охраны под красной ондулиновой крышей. Водитель вытащил пульт, нажал на кнопку, и шлагбаум поднялся.

Когда джип проезжал мимо домика, Тимош увидел у входа охранника в черной униформе, похожего на морского пехотинца. Он держал на поводке здоровенную немецкую овчарку.

– Серьезная охрана. Есть кого опасаться? – удивился Тимош.

– Для господина Вилкаса важно спокойствие, он не любит непрошенных гостей, – пояснила Марта бесстрастным, «секретарским» голосом.

Километра через три лес перешел в парковую зону с круглыми беседками и статуями в античном стиле. Дорога, прямая как струна, вывела к огромному, облицованному полиро-

⁶ Здравствуйте, могу ли я услышать... (фр.)

ванным камнем двухэтажному зданию с остроконечными башенками, сверкающему в солнечных лучах. Это было что-то среднее между Воронцовским дворцом в Алушке и фантастическим замком из фильмов-фэнтези. Тимоша поразили большое количество арок, арочные и стрельчатые окна с затейливыми переплетами, геометрический орнамент по фасаду. Это было смешение разных архитектурных стилей, слитых буйной фантазией архитектора в одном здании явно под влиянием Востока. Тимош, разбирающийся в архитектуре, смотрел на это чудо с восторгом, но и с недоумением.

– Как тебе замок? – поинтересовалась Марта. – Впечатляет?

Тимош скептически усмехнулся:

– Не думаю, чтобы средневековый хоть отдаленно напоминал нынешний... Дядя объединил под одной крышей все минувшие века.

Марта качнула головой и взглядом указала вдаль:

– Если присмотреться, можно заметить на холме позади этого здания развалины того, старого. Настоящего. Видишь, вон там, среди зелени?

Тимош присмотрелся и хмыкнул:

– Издали они похожи на серые валуны, на них я насмотрелся за время нашей поездки. Будет время, обязательно схожу к ним.

– Ну, кому как... – пожала плечами Марта. – В XV веке замок в виде башни находился на холме, в народе прозванном Волчьей горой, но его разрушили и сожгли. В XVII веке Вилкасы вернулись сюда и построили замок на том месте, где сейчас стоит этот дом, но во время восстания Богдана Хмельницкого замок снова разрушили и сожгли. В XIX веке Вилкасы снова отстроили замок, и теперь это был уже дворец. Но, поскольку они участвовали в Польском восстании, дворец сожгли. Господин Вилкас построил современное здание согласно своему видению и с учетом предложений архитектора.

– Родовой замок Вилкасов, словно Феникс, восстает из пепла, – улыбнулся Тимош и вспомнил, как Марта охарактеризовала Вилкаса. – Замок Волка на Волчьей горе – Волчий замок! Если я правильно подсчитал, замок разрушали через каждые двести лет. Не скажу, что это чудесное место, за которое надо так упорно цепляться. Глушь, далеко от цивилизации. Лучше было построить такую хоромину-огромину в более веселом и людном месте.

– Упаси тебя Бог сказать об этом господину Вилкасу!

Джип тем временем подъехал к главному входу, высадил пассажиров и поехал по дороге, огибающей дом. Тимош и Марта остались стоять перед величественной лестницей с двумя десятками ступеней, которая вела к массивной дубовой двери. Все здесь было устроено с размахом и должно было внушать трепет. Однако Тимош искренне не понимал, зачем Вилкасу понадобилось в лесной глуши создавать подобное чудо.

– С тыльной стороны дома – въезд в подземный гараж, – пояснила Марта. – Подземная часть дома не уступает надземной. Ну, постепенно обо всем узнаешь, освоишься.

Золотистая девушка, словно кинозвезда в Каннах, бабочкой вспорхнула по лестнице. Тимош следовал за ней. Двери распахнулись перед ними, словно по волшебству. Тимош ожидал увидеть за ними ливрейного слугу или дядю собственной персоной. Однако в просторном прохладном вестибюле их встретил только охранник – в черном костюме и галстуке, похожий на героя фильма «Люди в черном». Тимошу сразу бросилась в глаза широкая мраморная лестница, напомнившая ему фильмы про старину, где точно по таким лестницам сновали бравые кавалеры во фраках и томные дамы в платьях со шлейфами.

– Как дядя передвигается по дому? – поинтересовался он, наклонившись к Марте. – Или он выше первого этажа не поднимается?

– Где только можно, сделали пандусы и подъемники, – так же тихо ответила девушка.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в полукруглом холле, из которого выходили три коридора. Тимошу вспомнилась сказка из далекого детства: «Направо пойдешь – жену найдешь, налево – коня потеряешь, прямо – сам пропадешь».

«И в какую сторону мы пойдём? – весело подумал Тимош. – Жену здесь я искать не буду – меня ждет Моник! Коня у меня нет, так что терять нечего. А самому пропадать тоже вроде неохота...»

Из задумчивости его вывела Марта – она двинулась прямо, и он последовал за ней. Его взгляду открылся длинный широкий коридор со множеством дверей. И возникло ощущение, что он попал не то в учебное заведение, не то в гостиницу. Коридор упирался в глухую стену с дверью, над которой была установлена видеокамера, а под ней – динамик переговорного устройства.

– Личные апартаменты господина Вилкаса, – пояснила Марта.

– Фюрербункер, – понимающе улыбнулся Тимош.

Марта нажала на кнопку на переговорном устройстве. Тимош почувствовал себя неуютно. Ну а кому бы понравилось, если бы его кто-то незаметно рассматривал, а он при этом вынужден был безучастно ждать неизвестно чего? При этом чувствуешь себя микро-организмом на предметном стеклышке микроскопа.

В напряженном молчании прошла целая минута, показавшаяся Тимошу годом; наконец замок щелкнул и дверь отворилась. За ней стоял крепкий мужчина лет шестидесяти с коротким седым ежиком на голове, в белом летнем костюме. У него было квадратное лицо с резкими чертами. Он внешне напоминал французского киноактера Жана Маре в зрелом возрасте.

«Жан Маре» пытливым взглядом окинул Тимоша с ног до головы, словно сфотографировал, и обратился к Марте:

– Господин Вилкас уже спрашивал о вас. Что-то вы слишком долго добивались сюда...

– Задержка рейса. Нас примут, Иван Иванович?

– Я проведу вас в кабинет.

Мужчина посторонился, пропустив прибывших в прямоугольный холл.

– Это мажордом, Иван Иванович. Особо доверенное лицо господина Вилкаса, служит ему более двадцати лет! – ухитрилась шепнуть Марта Тимошу, когда, следуя за мужчиной, они прошли по коридору, стены которого были украшены картинами в богатых рамах.

Тимош так волновался, что даже не рассмотрел картины, что было непростительно для художника. Отметил только, что они там были. Ну ладно, позже рассмотрит. Если вообще здесь останется.

Иван Иванович почтительно постучал в коричневую дверь и, не ожидая ответа, вошел внутрь. Через минуту он распахнул дверь:

– Проходите, вас ожидают.

Кабинет был огромный и светлый, с тремя большими окнами. Григорий Вилкас сидел за столом в большом кожаном кресле с очень высокой спинкой, выше его головы, хотя это явно был очень крупный и высокий мужчина. Он был абсолютно лыс, имел продолговатое хищное лицо, типичное для героев вестернов, с мощной челюстью боксера, крючковатый нос и сощуренные глаза-щелки. Выглядел он гораздо моложе своих шестидесяти двух лет, ему и пятьдесят едва ли можно было дать. Видимо, он всегда дружил со спортом, и по внешнему виду нельзя было догадаться, что он инвалид.

Пока подходил к столу, Тимош под его пронзительным взглядом почувствовал не свойственную ему робость и, чтобы ее прогнать, с силой сжал кулаки, как перед дракой. Сумасшедшая энергия исходила от этого мужчины, и казалось, что он стал инвалидом по недоразумению.

– Прошу садиться, – приказным тоном произнес мужчина.

Это был именно приказ, а не предложение. Видимо, по-другому он не умел разговаривать. Тимош неловко плюхнулся в кресло, не зная, как себя вести, да и как обращаться к мужчине. «Господин Вилкас» – слишком официально. Может, «Григорий Антанасович»? Мама называла его «дядя Гриша».

Вилкас долго пытливо рассматривал Тимоша, словно просвечивал рентгеном в поисках проглоченного им бриллианта. Тимош тоже его рассматривал, но исподтишка, боясь встретиться с ним взглядом. Оба молчали. Пауза явно затянулась.

– Здравствуй, Тимош, – наконец разрядил обстановку Вилкас, изобразив на лице подобие радушия, что ему плохо удалось. – Вижу, ты вырос и стал настоящим мужчиной.

– Я рад вас видеть, дядя Григорий, – решил Тимош и произнес заготовленную фразу: – Мы с мамой были вам очень благодарны за то, что вы помогали нашей семье все эти годы.

– Бедные Магда и Мария, они так рано оставили нас! – несколько театрально воскликнул Вилкас. – Но, видимо, так было угодно Богу.

Тимош перекрестился.

– Я вызвал тебя по важному делу: ты станешь моим наследником.

– Спасибо, конечно, но почему именно я? – пробормотал Тимош, не зная, какой реакции от него ожидает Вилкас. – Бог с вами, дядя Григорий! Вы прекрасно выглядите, зачем такая спешка с завещанием? Дай Бог вам прожить сто, а то и больше лет!

– Помолчи! Я говорю! – жестко оборвал его Григорий, но тут же смягчился. – Я не против пожить как можно дольше. – И добавил с сарказмом: – Но тогда ты станешь богачом уже совсем дряхлым стариком. Как тебе такая перспектива?

– Я желаю вам здоровья и долгих лет жизни, вы так много сделали для нас с мамой!

Вилкас с довольным видом кивнул – слова Тимоша ему понравились.

– Я очень богатый человек, и ты можешь после моей смерти таким же стать. Люди глупые и бедные думают, что быть богачом просто. Мало иметь богатство, надо постоянно думать, как его сохранить и преумножить. Я этому тебя научу. Тебе придется находиться при мне неотлучно – я должен к тебе присмотреться. Это неременное условие. Покинешь меня – лишу наследства!

Тимош опешил, он не знал, что на это сказать. Вилкас производил впечатление, несмотря на инвалидность, весьма здорового и энергичного человека. Тимош, направляясь сюда, не рассчитывал надолго здесь остаться – его ждут Моник, друзья, учеба в художественной школе... А если и в самом деле придется здесь провести годы, десятилетия?! Тимоша бросило в жар, у него перехватило дыхание. Молодость так быстротечна...

Внезапно лицо Вилкаса исказилось от злобы, и он хищно уставился на парня, словно волк на жертву перед броском.

– Ты не уедешь – ведь ты нищ и гол! Я выбрал тебя в наследники, как выбирают меньшее из зол. Вокруг меня вьются гиены в надежде поживиться, они даже покушались на мою жизнь! Ха-ха! Их ждет сюрприз – они останутся ни с чем! – Неожиданно Вилкас горько вздохнул. – Если бы Ярослав был жив, тебя бы тут не было!

От такой откровенности у Тимоша перехватило дыхание. Он хотел было в ответ сказать что-нибудь резкое, вскочить, убежать подальше от этого безумного человека, но его словно парализовало. Огромный дом-замок, дорогие автомобили, миллионы на банковских счетах – все это было так близко, достаточно протянуть руку! И это не сон!

– Дядя Григорий, я здесь не ради наследства...

– А ради чего? – Вилкас захохотал. – Полюбил меня на расстоянии, так сказать, заочно? Не корми меня сказками о вспыхнувшей родственной любви ко мне! У тебя любовь к моим деньгам, и это правильно!

– Я помню вас – в детстве меня приводили в вашу киевскую квартиру.

– В самом деле? И что с того? Ты финансово полностью зависишь от меня, поэтому и приехал, а тут еще лакомый кусочек обозначился – правда, в будущем. И не в близком.

– Дядя Григорий! – Тимош разозлился. – Ваши намеки меня оскорбляют! Если у вас обо мне такое мнение, то я уезжаю! – Он вскочил, намереваясь уйти.

– Садись, спичка! – властным тоном остановил его Вилкас, и Тимош, сам того не ожидая, снова оказался в кресле. – Ничего плохого в том, что ты хочешь стать богачом, нет. Я сам предложил тебе это. Меня на твоём месте также именно миллионы интересовали бы.

– Не всегда в богатстве счастье.

– Это ты начитался всяких глупостей.

Кровь ударила в голову Тимошу, его обуяла злость – за кого его принимают?!

– Вы хотите, чтобы я находился рядом с вами, словно цепной пес?! В ожидании подачки?! – выпалил он и испугался: не перегнул ли он палку?

– На цепь сажать тебя не буду, – неожиданно обычным тоном произнес Вилкас. – Поживи здесь какое-то время, чтобы я мог лучше тебя узнать, и получишь свободу. Уедешь отсюда богатый и счастливый!

– Чем мне здесь заниматься? В Париже я учусь в художественной школе.

– С учебой повремени. Занятие я тебе нашел – по твоему профилю, как художнику. Пока то, что я составил завещание в твою пользу, будет храниться в тайне – мне нужно время, чтобы вычислить того гада, который подослал киллера. На первый взгляд здесь тишь и благодать, а на самом деле вокруг меня оголтелая волчья стая, только выжидающая момента, чтобы разорвать своего сородича! Для большинства я тебя нанял в качестве художника, чтобы ты написал галерею портретов моих предков. Это я давно хотел сделать. Посмотрю, чему ты научился в Париже на мои деньги, надеюсь, не только залазить под юбки француженкам?

Тимош застыл, не зная, как на это реагировать. Вилкас намекает на любовный роман с Моник или он не имел в виду ничего конкретного?

– Дядя Григорий, я не хочу, чтобы вы видели во мне искателя наследства... – начал было Тимош, но Вилкас прервал его. Стукнув кулаком по столу, он рыкнул:

– Не пытайся быть святее Папы Римского, – этого я не люблю! Ты для чего это говоришь? Чтобы я расплакался, умиляясь твоей добродетельности? Уясни себе раз и навсегда: я не дурак. Надеюсь, ты тоже. Так что не морочь мне голову, не трать на пустые разговоры мое время. Гораздо важнее добродетельности твой бойцовский характер. Я хочу, чтобы ты стал настоящим Вилкасом! Богатство – это мостик к счастью! Оно дает неограниченную свободу и возможность реализовывать любые желания.

– Не всегда...

– Надеюсь, на самом деле ты так не думаешь, Тимош. Иначе я в тебе разочаруюсь! Жизнь среди людей ничем не отличается от жизни среди волков – побеждает сильнейший и хитрейший. Вижу, ты еще не акклиматизировался в родных краях после общения с «лягушатниками».

– Блюда из лягушек во Франции считаются деликатесом и стоят очень дорого. Так что не все французы «лягушатники».

– Как будто я во Франции не был! Ты знаешь, на чем основывается мой бизнес?

– Имею об этом весьма смутное представление.

– На добыче и обработке гранита. Неучи мечтают добывать в наших краях золото, которое обнаружили тут на глубине нескольких сот метров, 6–8 граммов на тонну кварцевого конгломерата. Запомнил эту цифру? Гранит залегает на поверхности, и если посчитать затраты на выработку, то прикинем, сколько золота можно купить на эти деньги в ближайшем банке. Мои экономисты подсчитали, что один кубометр блочного камня – это сегодня 10–20 граммов банковского золота. Значит, каждый блок облицовочного камня размером два

на два на полтора метра – это золотой слиток весом в 50–100 граммов! В 8–12 раз выгоднее, чем добывать здесь золото! И запасы камня практически не ограничены. Вот такие у нас «золотые» камешки! Со временем съездим на мои карьеры – покажу тебе, как добывают гранит. Вон, взгляни на образцы.

Вилкас указал на стеклянный шкаф, на полочках которого были выставлены пластинки и изделия из зернистого гранита разнообразных оттенков красного и серого цветов.

– Это серый габбро, а этот, с синими глазками, – лабрадорит, – пояснял Вилкас, указывая пальцем на пластинки. – Это поделочный камень, из него на моем заводе изготавливают пепельницы, шкатулки.

– Это тоже из лабрадорита? – Тимош указал на странную композицию на письменном столе: на подставке в виде восьмиконечной звезды стояла перевернутая буква «У», или зеркальное отражение буквы «К» без верхней боковой линии, на поверхности которой просматривались синие глазки'. – Это изображение чего-то конкретного или просто фантазия автора?

– В этом заложен глубокий смысл. Сверху третья славянская руна – Алатырь. И это краугольный камень Вселенной, вокруг которого, как по разнонаправленным магнитным линиям, движутся энергии Белобога и Чернобога. Восьмиконечная звезда в основе – тоже Алатырь, священный камень, символизирует движение и развитие Вселенной. Этот знак был обязательным атрибутом на одеяниях славянских жрецов-волхвов при волхвовании. Камень, на котором приносились жертвы богам, в том числе и человеческие, тоже назывался Алатырь. – Вилкас усмехнулся. – Ну, и это название компании, которой я владею. Я специально подобрал ей такое магическое название.

– Очень интересно!

– Ладно, иди отдохни. Марта все организует и расскажет тебе, что и как. Позже мы поговорим. Мне нужно, чтобы ты стал здесь моими глазами и ушами. Где-то рядом затаился гад, желающий моей смерти! Ты меня понял?

Тимош хотел сказать, что никогда согладатеа не был, но ощущал себя крайне усталым, а эти слова могли вызвать новый поток словоизлияний Вилкаса, и встреча с ним затянется.

– Как скажете, дядя. Я уже пойду?

– Постой. Я хочу еще кое-что тебе показать. – Вилкас налег грудью на стол, затем отжался на руках и, ловко перебирая ими, выбрался из кожаного кресла и переместился к краю стола.

Тимош с недоумением смотрел на странные манипуляции дяди. Зажужжал моторчик, и Вилкас выехал из-за стола на мотокресле.

– Иди за мной!

Он, ловко управляя мотокреслом, открыл дверь в другую комнату, которая оказалась тренажерным залом, проехал ее, дальше пересек комнату для массажа, из которой они попали в стеклянный павильон, где находились бассейн в виде блюда метров пятнадцати в диаметре и большой зимний сад с экзотическими растениями, в том числе и фруктовыми деревьями.

– Мало того что кругом лес, так я еще и здесь сотворил райские кущи, – говорил Вилкас на ходу, и видно было, что этот зимний сад – предмет его гордости.

Вилкас подъехал к краю бассейна, взял со скамеечки подсака, явно намереваясь опустить его в воду.

– Смотри, Тимош! Нравится?

В бассейне плавали большие разноцветные рыбины, а в глубине виднелись камни, валуны, и выглядело это как дно горной речки. Вилкас подхватил подсаком синюю рыбину,

с улыбкой наблюдая за тем, как она трепыхается, пытаясь освободиться. Затем выпустил ее в воду.

– Как тебе мой аквариум? Мороки много – каждый день уборка, постоянная подача кислорода, кормление строго по графику, специально разработанный рацион. – Вилкас говорил с таким видом, будто он сам все это проделывает и безмерно устал этим заниматься. – А теперь смотри!

Вилкас подъехал к столу, на котором была установлена метровая телевизионная панель, взял пульт и включил ее. На экране появилось изображение подводного мира бассейна. Нажимая на разные кнопки, Вилкас показывал то один, то другой участок бассейна.

– В детстве я мечтал об аквариуме, но отец был против, считал это баловством. Как видишь, теперь я смог позволить себе завести аквариум, и какой! Ты прав в одном: не в деньгах счастье, а в их количестве и в том, насколько с их помощью ты сможешь исполнить свою сокровенную мечту.

– В детстве я мечтал стать пожарным, иметь каску, но с годами это желание пропало, – сказал Тимош.

Вилкас недобро прищурился:

– Не понял ты меня, Тимош... Ты знаешь, как здорово плавать среди этих рыб? Ощущать себя Ихтиандром?

– Плавать? Тут же нет подогрева.

– Воду для рыбы подогревают, только когда хотят ее сварить. Я люблю холодную воду, а при моей травме позвоночника это к тому же и полезно. Ладно, иди. Я тут еще побуду. Рыбы меня понимают лучше, чем люди.

Молчаливый Иван Иванович проводил Тимоша и Марту к выходу.

Уже в коридоре Марта спросила:

– Ну, какие впечатления?

– По-моему, дядя получил травму не только спины, но и головы, – со вздохом произнес Тимош. – Однако выводы делать рано. Надо узнать его получше. Вообще-то мне хотелось бы отдохнуть с дороги.

– Комната для тебя готова. Я провожу. То есть ты не намерен бежать отсюда сломя голову? Это уже хорошо.

– Марта, я бы рад вернуться во Францию прямо сейчас! Но дядя прав: стоит задержаться здесь на несколько дней. Предложения ценой в несколько миллионов евриков мне не каждый день делают! Кроме того, у меня финансовый коллапс – нет денег на обратную дорогу. Хотя это дело поправимое – в Киеве у меня есть друзья, которые, без сомнения, помогут.

– И я об этом, так что поживи тут, посмотришься.

Они прошли в комнату. Тимош огляделся: все как в стандартном гостиничном номере. Небольшой коридорчик, налево от входа дверь в санузел. Напротив – встроенный шкаф. В комнате деревянная полуторная кровать, небольшой стол со стульями, на стене – телевизионная панель. Без шика, только самое необходимое.

– Присядь, поговорим. – Марта села на стул. Подол ее короткого платья пополз вверх, а за ним непроизвольно и взгляд Тимоша. – Ты здесь ради наследства и не на один день. Характер у Григория Вилкаса жесткий, человек он непредсказуемый. Я думаю, тебе будет очень сложно найти с ним общий язык.

– Долго здесь задерживаться я не намерен. Дядя не похож на умирающего, и находиться возле него не один год и даже несколько месяцев я не собираюсь. Думаю, дядя тоже это понимает. Побуду здесь какое-то время, пойму, каковы его истинные намерения, с тем и уеду.

– Тебе интересно узнать, чем вызван твой приезд?

– Возможно, это всего лишь причуда, дядя решил так развлечься. Или ты хочешь сказать, что он тяжело болен?

– Григорий Вилкас здоров как бык, и, если бы не инвалидность... Мужчины рода Вилкасов отличались крепким здоровьем и силой. Но, что удивительно, никто из них не умер своей смертью, в постели.

– Неужели?

– Над родом Вилкасов тяготеет проклятие, из-за чего мужчины не доживают до старости.

– Марта, уж от тебя-то я не ожидал услышать подобную чушь. – Тимош заулыбался. – Сплошная мистика – и название компании, которой владеет дядя, и родовое проклятие. В этой глуши все помешались на мистике и тайнах?

– Есть и вполне реальные причины: недавно было совершено покушение на Вилкаса.

– Это посерьезнее, чем мифическое родовое проклятие. Он сказал, что ищет заказчиков и того, кто покушался на него.

– Григорий Вилкас считает, что родовое проклятие и покушение связаны между собой.

– Каким образом? – с усмешкой поинтересовался Тимош. – Киллер – мифическое существо из потустороннего мира?

У Тимоша ожил гаджет, он увидел, что его вызывает по вайберу Моник. У него радостно забилося сердце.

– Мне тут нужно пообщаться тет-а-тет, – нетерпеливо произнес Тимош, выпроваживая молодую женщину. – Марта, как-нибудь позже расскажешь эту страшную сказку. А сейчас извини...

– Хорошо, я зайду за тобой перед ужином. Страшная сказка на ночь покажется еще страшнее.

– Увидимся. – Тимош закрыл за Мартой дверь. На экране гаджета появилось улыбающееся личико Моник. – Салют, любимая!

– Хей, дорогой! Ты уже на месте?

– Да, любимая. Тут очень круто. Завтра пофотографирую, и ты сама увидишь.

– Я рада за тебя. Когда ты вернешься?

– К сожалению, придется задержаться на некоторое время.

– На несколько дней? Как долго мне придется мучиться в ожидании твоего возвращения?

– Неделю, может, больше, – неуверенно произнес Тимош.

– Тими, я страдаю без тебя! – воскликнула огорченная Моник. – Ты хочешь, чтобы я заболела от печали?

– Я тоже страдаю без тебя, Моник! Постараюсь как можно быстрее вернуться!

– Я тебе верю, Тими. Не огорчай свою Моник!

Послышались мужские голоса, и Тимош насторожился:

– С кем ты, Моник?

– В кафе, меня Жерар пригласил. Тут чудесная компания, жаль, что тебя нет рядом. Но ты же не хочешь, чтобы Моник грустила и плакала в одиночестве?

– Нет конечно, – выдавил Тимош, хотя ему хотелось сказать обратное. Долговязый и многословный Жерар Тимошу не нравился, тем более что он начал ухаживать за Моник. Но тогда Тимош хотя бы был рядом с ней, а сейчас он находился за две тысячи километров от Парижа!

– Завтра жду от тебя фотографии, дорогой Тими. И сделай все возможное, чтобы поскорее приехать! Целую, дорогой, много-много раз. *Au revoir*⁷, Тими! Не задерживайся надолго, я тебя жду! Жерар тебе желает всего хорошего!

– И я ему желаю, – с чувством произнес Тимош, мысленно продолжив фразу конкретными пожеланиями сопернику. – Чао, любимая! Дождись меня!

Разговор с Моник оставил неприятный осадок на душе у Тимоша, и он как мог себя успокаивал. Ведь ничего особенного не произошло, просто Моник пошла в кафе с Жераром. Она могла бы так поступить, даже если бы Тимош находился в Париже. Приводя самому себе противоречивые доводы, он прилег на кровать, не раздеваясь. Солнце клонилось к закату, Тимош закрыл глаза, и вскоре сон сморил его. Проснулся он уже ночью, за стеной играла громкая музыка. Вначале он не сообразил, где находится, подумал, что заночевал у друзей-художников в общежитии, и стукнул несколько раз в стенку кулаком. И только тогда окончательно проснулся.

«Правило не шуметь по ночам тут не соблюдается! Наверное, сосед за стеной включил музыку на полную громкость или телевизор, а сам дает хрюпака. На остальных ему наплевать! Выйти и постучать в его дверь? Потерплю. Если пойду выяснять отношения, то спугну сон». Тимош разделся и юркнул под одеяло, приятно пахнущее лимоном. Повернулся на бок и сразу же крепко уснул.

3

Тимош проснулся от того, что замерз, – одеяло было тонким, а воздух слишком влажным и холодным. За окном серело неприглядное утро, за стеной было тихо.

Дрожа от холода, Тимош вскочил и сделал несколько гимнастических упражнений, чтобы согреться. Он критически оглядел свои владения – они и правда напоминали обстановку гостиничного номера среднего пошиба. Комната с минимумом мебели. И тут сердце Тимоша иголкой пронзила мысль: «Моник! Зачем она связалась с Жераром?! Ведь он известный жиголо!» Сон сразу убежал, и в голову полезли глупые мысли относительно того, как мог закончиться для нее вечер. Тимош с трудом не поддавался искушению немедленно позвонить Моник, зная, что та любит поспать вволю.

Принимая душ и приводя в себя в порядок, Тимош прокручивал в голове разговор с дядей. Он понимал, что, при всем желании немедленно отправиться к Моник, ему придется здесь задержаться на неопределенное время. Даже если он займет у кого-нибудь из старых друзей в Киеве деньги на билет, как он будет жить без денег в Париже? Не будет же он ночевать под мостом и рыться в контейнерах с объедками, пока не найдет работу, или мыть посуду в бистро! Разве такой он нужен Моник?

До сих пор проблем с деньгами у него не было – Вилкас регулярно переводил на его счет солидные суммы, – а если Тимош уедет, этот источник иссякнет. Продать квартиру в Киеве? Он не удосужился переоформить ее на себя после смерти мамы, да и быстро продать квартиру не получится, даже за полцены. От квартирантов, по условиям договора аренды, сразу не избавишься. Надо было об этом раньше думать! За два года жизни в Париже он мог подыскать себе работу, как делали многие учащиеся художественной школы. Он даже гонорары за нерегулярные заказы весело спускал с Моник. «Поживу здесь некоторое время, осмотрюсь – сейчас уезжать бессмысленно. Даст бог, что-нибудь придумаю», – решил Тимош.

За его спиной кто-то уверенно постучал в окно, и он невольно вздрогнул. «Еще Карлсона тут не хватало!» Обернувшись, он увидел белоснежного голубя с черным хвостом,

⁷ До свидания (*фр.*).

устроившегося на отливе. Тимош подошел к окну и открыл его. Голубь, неуклюже неся свое объемистое тело на тонких лапках, попятился на безопасное расстояние, но особо не испугался.

– Парень... да нет, ты, пожалуй, девица. Женская сущность проявляется даже без внешних половых признаков – в изяществе движений и, пожалуй, в сообразительности. Это же надо – додуматься постучать в окно, чтобы дали поесть!

Тимош состроил страдальческую гримасу и развел руками – мол, рад бы дать, но ничего нет. И сам ощутил, что очень хочет есть, просто умирает от голода. Тимош достал визитку Марты и набрал номер ее телефона.

– Здравствуйте, Тимош. Как вы отдохнули? – официальным тоном поинтересовалась Марта.

– Холодно и голодно. Да еще и за стеной ночью устраивали дискотеку.

– Вечером вы так сладко спали, что я не решилась будить вас на ужин. Завтрак будет через час в банкетной. Не опаздывайте – господин Вилкас этого не любит.

– Марта, скоро от твоих постоянных предупреждений ты мне будешь видаться знаком, предупреждающим об опасности. Этаким треугольником с желтым фоном.

– Я рада, что вы меня поняли. – И Марта отсоединилась.

– Вот сука! – разозлился Тимош. – Где эта банкетка? И что мне час делать?

Тимош вышел в пустынный коридор и, пройдя до мраморной лестницы, спустился в вестибюль, решив начать ознакомление с замком с первого этажа. Встретивший их вчера охранник отсутствовал. Вязкая тишина, властвующая в доме, его раздражала. Ему хотелось движения, шума, ярких впечатлений, ощущения пульса жизни, а тут все замерло.

– Вы кто такой? Что здесь делаете?! – раздался за спиной грубый командный голос, и Тимош резко обернулся.

К нему приближался крупный краснолицый мужчина в сером костюме-тройке, явно с недобрыми намерениями.

– Племянник и гость господина Вилкаса, Тимош Вакуленко.

Краснолицый заулыбался и, хлопнув себя ладонью по лбу, сказал:

– Сразу не сообразил. Мне говорили о вас. Разрешите представиться: Петр Игнатьевич, прошу любить и жаловать. Управляющий не только этим огромным домом, но и всем имением.

– Очень приятно! – Руку Тимоша на мгновение будто металлическими клешнями сжало – толстяк продемонстрировал свою незаурядную силу. – Хочу осмотреть дом. Поможете?

– Здесь все очень просто. На первом этаже две параллельные анфилады комнат, имеющие переходы между собой в сигарной, банкетной и охотничьем зале. На втором этаже расположены спальные комнаты. С левой стороны, в самом начале, в двух уровнях, апартаменты господина Вилкаса, затем комнаты мажордома Ивана Ивановича, мадемуазель Марты. Далее три смежные комнаты, которые занимаем мы с женой, потом комнаты спортивного врача Виктора, архивариуса Ефима Натановича, Валентины Сергеевны – специалиста по рыбам, шеф-повара Джузеппе. Еще там имеются апартаменты люкс для приятелей господина Вилкаса, которые часто его навещают, апартаменты мамы господина Вилкаса и самая крайняя, уже с правой стороны, – ваша комната.

– Дом огромный и кажется пустым. Наверное, чтобы обслуживать такой дом и территорию, необходимо большое количество людей.

– Вы абсолютно правы! Хозяйство большое и требует много рабочих рук. В основном работники и охрана живут в специально построенных для обслуживающего персонала домиках, работают вахтовым методом. Если обратили внимание, в доме высокий цокольный этаж. Там расположены кухня, подстанция и комнаты для obsługi, которая постоянно нахо-

дится в доме: смена поваров и подсобных работников кухни, горничные, дежурные сантехник и электрик. Из кухни можно попасть в обширный подвал, половину его занимает гараж, остальная часть используется для хранения продуктов, там же находятся винный погреб и технические помещения.

– В такой глуши вам не скучно?

– Хозяйство у господина Вилкаса огромное и хлопотливое. И жить здесь ох как непросто!

Управляющий посмотрел на карманные часы-луковицу и озабоченно промолвил:

– Идемте завтракать. Господин Вилкас не любит, когда кто-либо появляется в столовой после его прихода, а он точен как часы.

Столовая, как на ходу сообщил управляющий, называлась здесь на французский манер банкетным залом, или просто банкетной. Они вошли в продолговатый зал, где находился длинный стол из мореного дуба, на котором уже были расставлены на матерчатых бирюзовых салфетках тарелки и разложены столовые приборы. За ним могли одновременно расположиться человек тридцать. Стены были задрапированы зеленой тканью. Из мебели здесь еще имелся старинный дубовый буфет, за застекленными дверцами которого виднелся фарфоровый сервиз, инкрустированный серебром, большие напольные часы с боем, также в корпусе из дуба. Хотя до начала завтрака оставалось десять минут, здесь уже собрались, по-видимому, все обитатели замка, за исключением хозяина.

Управляющий поочередно представил Тимошу каждого из присутствующих. Альбина, супруга управляющего, была гораздо моложе него. Эта миловидная женщина тридцати с небольшим лет, на вкус Тимоша, была полновата. У спортивного врача, Виктора Селезнева, среднего роста крепыша с невыразительным, незапоминающимся лицом и широко открытыми голубыми глазами, был вязкий взгляд, какой бывает у близоруких людей, пользующихся линзами. Начальник службы безопасности, Николай Николаевич, пятидесятилетний мужчина маленького роста с большими, смешно оттопыренными ушами, радушно улыбнувшись Тимошу, скользнул по нему холодным оценивающим взглядом, а при рукопожатии задержал его руку в своей скользкой ладошке.

– Тимош, ты же только что из Парижа? Послушай анекдот о парижанках. – Увидев Марту, Николай Николаевич подозвал ее: – Марта, иди сюда, у меня свежий анекдот!

Марта, подойдя, холодно кивнула Тимошу и по-мужски протянула ему руку для рукопожатия, но Тимош быстро наклонился, взял ее руку и поцеловал, а потом с лукавством посмотрел, как она отреагирует. Марта приняла это как должное, словно другого и не ожидала. Николай Николаевич, плотоядно ухмыляясь, стал рассказывать:

– Париж, кафе, за столиком сидит в одиночестве симпатичная дама. К столику подходит мужчина, с виду ловелас. «Мадам торопится?» – «Мадам не торопится». – «Мадам выпьет кофе?» – «Мадам выпьет кофе». Приносят кофе. «Мадам замужем?» – «Мадам замужем». – «Мадам может позвонить мужу и сказать, что она сегодня займется сексом с незнакомым мужчиной?» – «Мадам может позвонить мужу и сказать, что сегодня займется сексом с незнакомым мужчиной десять раз». – «ДЕСЯТЬ РАЗ?!» – «Месье торопится?»

Начальник службы безопасности громко рассмеялся, но его никто не поддержал.

– Тимош, ты встречал таких парижанок?

– Николай Николаевич, вы не меняете своего амплуа пошляка, – холодно заметила Марта.

– Я не меняю не только амплуа, но и своих намерений в отношении тебя, – ухмыльнувшись, отозвался Николай Николаевич. – На эту тему есть анекдот...

Петр Игнатьевич подвел Тимоша к стройной темноволосой молодой женщине с прекрасной спортивной фигурой, в элегантном облегающем костюме. Ее можно было бы

назвать привлекательной, если бы не бульдожья челюсть, утяжеляющая нижнюю часть лица. Она стояла со скучающим видом, но Тимош заметил в ее глазах презрение.

– Госпожа Лайма Антанасовна Вилкас, – торжественно представил ее управляющий, с удовольствием наблюдая за тем, как вытянулось от удивления лицо Тимоша. – Младшая сестра господина Вилкаса.

Тимош назвал себя, пытаясь отыскать Лайму в своих воспоминаниях, но в памяти ничего не всплыло.

– О-о, как ты вырос! Я помню тебя совсем маленьким и сопливым, – оживилась Лайма. Ей было сорок с хвостиком, но выглядела она гораздо моложе. – Магда вечно возилась с младшей сестрой, твоей мамулей, погрязшей в хлопотах, с кучей проблем. Это надо было иметь такой талант! – И она противно захихикала. – Любитель сладенького, ты ведь не зря тут появился? Мой совет: не тешь себя надеждой! Оставь надежду, всяк сюда входящий!⁸

В глазах у Тимоша потемнело, он еле сдержался, чтобы не наругать женщине, и молча отошел в сторону.

Марта подвела к Тимошу худощавого мужчину в темной сутане со стоячим воротничком, белая колоратка⁹ тесно сжимала ему шею, словно пытаясь его задушить.

– Познакомьтесь: отец Георгий. В доме есть церковь, мы называем ее замковой, и отец Георгий иногда проводит тут службу. У отца Георгия приход в ближайшем селе Горбачи.

– Весьма рад! – Ксендз протянул руку Тимошу. – Я рад каждому новому прихожанину.

– Должен вас огорчить. Меня крестили как православного.

– Бог для всех один, и не имеет значения, в какой церкви вы будете молиться. – Отец Георгий улыбнулся вроде бы радушно, но в его глазах Тимош заметил льдинки.

– А это наша богиня зоологии, Валентина Сергеевна, – представил Петр Игнатьевич изящную женщину лет под сорок со стянутыми в пучок на затылке русыми волосами. Ее прекрасной спортивной фигуре, которую подчеркивали обтягивающие голубые джинсы, совсем не соответствовали невыразительное лицо и круглые допотопные очки, придающие ей вид учительницы младших классов.

– Я ихтиолог, – резко поправила управляющего женщина. – И не богиня, я только учусь.

Тимош заметил, что в зал зашла крупная, мужеподобная женщина лет сорока, везя впереди себя на каталке сгорбленную старуху с редкими крашеными черными волосами, едва прикрывающими череп.

– Еду кушать горячий супчик! – радостно прокомментировала происходящее старушка. Каталка остановилась у края стола, а старушка затянула бесконечное: – Она сказала... Она сказала... Она сказала...

Рослая женщина подхватила ее, словно пушинку, и пересадила на стул.

– Мама господина Вилкаса, – пояснил добровольный чичероне Петр Игнатьевич. – Ей девяносто четыре года, и уже два года она не в себе. Случаются проблески сознания, и тогда она рассуждает здраво, но обычно она все путает и никого не узнает. Господин Вилкас распорядился, чтобы она ела вместе со всеми, не замыкалась в стенах своей комнаты. По его мнению, это благотворно влияет на ее психическое состояние.

– А на состояние остальных ему наплевать, – добавила его жена, незаметно подошедшая к ним.

– Альбина! – смутившись, одернул ее управляющий.

– Что я такого сказала? Она же и в самом деле...

Тут Петр Игнатьевич взглянул на часы и засуетился, прервав рассуждения жены:

⁸ Заключительная фраза текста над воротами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

⁹ Колоратка – элемент облачения священнослужителей в западных Церквях и церковных общинах, представляющий собой жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, застегивающийся сзади и надеваемый под сутану.

– Господа, прошу за стол, – до девяти осталось три минуты.

– Произойдет вселенская катастрофа, если мы не успеем до того, как... – язвительно произнесла Лайма, но вслед за остальными встала у своего места за столом.

Никто не сажился. Тимош оказался между женой управляющего и спортивным врачом.

Громко стали бить старинные напольные часы, с первым ударом раскрылись двери и в зал с важным видом вошел лысый мажордом Иван Иванович. Тимош представил его в парике и желто-зеленой ливрее, с тростью, громко объявляющим: «Его величество Григорий Вилкас!» – или нечто в этом роде.

– Дамы и господа, господину Вилкасу нездоровится, и он просил, чтобы вы завтракали без него.

– Другого от него не ожидала! – раздраженно воскликнула Лайма, отходя от стола. – Он у себя? У меня к нему разговор.

– Господин Вилкас... – начал было Иван Иванович, но Лайма бесцеремонно вытолкала его за дверь и вышла вслед за ним.

Отсутствие хозяина замка за столом сняло натянутость, Тимошу даже показалось, что пронесся вздох облегчения. Ксендз поднялся, постучал ложечкой по пустому хрустальному фужеру, требуя внимания. Присутствующие смолкли. Ксендз скороговоркой произнес молитву:

– Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые по благодати Твоей вкушать будем... Просим Тебя через Христа, Господа нашего. Аминь.

Завтрак был простой: домашнее желтое сливочное масло, вареные яйца, хлеб, нарезанный крупными ломтями, овечий сыр, овсяная каша на воде, джем. Обслуживали трапезничающих две девушки в длинных платьях и фартуках идеальной белизны.

Несмотря на то что Тимош со вчерашнего дня ничего не ел, аппетит у него пропал. Он прислушивался к беседе за столом, но ничего интересного для себя не услышал. Самой говорливой была Альбина, жена управляющего, она простодушно делилась всем, что происходило в ее жизни, от сдачи белья в стирку до запоров у мужа. Тут Петр Игнатьевич не выдержал и сказал ей, что говорить об этом за столом неприлично.

– Петя, ты что, стесняешься? – удивилась Альбина. – Ведь что естественно, то не безобразно. Президент тоже ходит в туалет, как простой смертный. И наверняка в его возрасте запоры у него бывают.

– Прекрати, Альбина, я тебя прошу!

– А вы знаете, что Петя раньше занимался штангой и поднимал громадные тяжести? Как-то он меня поднял на руки и подбросил в воздух – я так визжала!

Все захихикали, глядя на пышку Альбину, и она была довольна, что подняла всем настроение. Всем, кроме мужа.

Мать Вилкаса, явно подслеповатая, второе ела руками, перепачкав в соусе пальцы. Сопровождавшая ее женщина не обращала на нее внимания и жадно поглощала пищу, глотая ее, почти не пережевывая. Тимошу было жаль старушку, которая была добра к нему в детстве, а сейчас страдала слабоумием. Закончив есть, она перепачканными руками стала отбивать дробь по краю стола, бормоча что-то невразумительное. На нее никто не обращал внимания, в том числе и ненасытная сиделка. Тимош вспомнил о голубе и, завернув пару кусочков хлеба в салфетку, сунул их в карман.

После завтрака он решительно атаковал Марту:

– Ты и дядя говорили, что никто не знает, какова истинная цель моего приезда. А Лайме, судя по всему, это известно.

Марта недоуменно пожала плечами:

– Она догадывается. Будь спокоен, Лайма тебе не конкурент, я ведь знаю, каково отношение Вилкаса к ней. Лайма честолобивая, заносчивая и очень энергичная. Несколько лет

тому назад у нее возникла размолвка с братом, и с тех пор они не в ладах. В планах Лаймы произвести изменения в руководстве компании, где у нее тридцать процентов акций, убрать генерального директора Юшту. Но без Григория Вилкаса это сделать невозможно, а он против. Юшта – его человек. Лайма пытается убедить брата в своей правоте, взять его измором. Так что все идет своим чередом, не обращай на нее внимания.

– Чем мне заняться?

– Пиши портреты Вилкасов, чем еще? – Марта огляделась. – Архивариус Фима снова пропустил завтрак – познакомись с ним в библиотеке. Он проинструктирован на твой счет. Я найду к вам позже. Увидимся!

Марта энергичной походкой отправилась по своим делам, оставив Тимоша в невеселой задумчивости.

По всему выходило, что ему придется здесь пробыть не неделю, как он рассчитывал и пообещал Моник, а значительно дольше. Григорий Вилкас подтвердил свое намерение сделать Тимоша, практически незнакомого ему человека, родственника покойной жены, своим наследником, к которому перейдет все или почти все его многомиллионное состояние. Естественно, Вилкасу хочется больше узнать о своем наследнике, а лучший способ это сделать – пожить какое-то время с ним под одной крышей. Возможно, Вилкас начнет потихоньку его обучать, знакомить со своим бизнесом. Только когда дядя при первой же встрече ввел его в курс дела, Тимош осознал, насколько это непросто – быть наследником Григория Вилкаса.

Тут Тимош себя одернул и рассмеялся: «Размечтался, словно в скором времени стану у руля компании! Вилкас физически крепок и не похож на смертельно больного человека. Даже если не встанет на ноги, он, несмотря на инвалидность, проживет не один десяток лет, а за это время может не один раз изменить завещание». У Тимоша упало настроение, и он снова пожалел, что приехал сюда.

«Даже если в будущем я наследую бизнес Вилкаса, чему радоваться? Бизнес поработит меня, будет забирать все время и силы, заставит забыть об искусстве». Тимош почувствовал, как противоречивые силы раздирают его на части. Одна твердила: «Плюнь на завещание, немедленно езжай во Францию к Моник, иди к поставленной цели – стать известным художником!» Другая сила требовала остаться здесь: «Надо быть дураком, чтобы отказаться от миллионов, даже если получишь их не сразу! Неизвестно, сможешь ли ты достичь признания и славы как художник, а вот возможность получить миллионы вполне реальна!» Тимош даже представил на мгновение себя хозяином этого необычного громадного дома и ощутил легкое приятное головокружение. «Если, вернувшись во Францию, я так и останусь безвестным нищим художником, каких тысячи, не пожалею ли я об утраченных миллионах? Не буду ли я вечерами рвать на голове волосы из-за того, что совершил подобную дурость?»

Охранник в вестибюле подсказал Тимошу, как пройти к библиотеке. Это была большая светлая комната с высокими, до самого потолка, стеллажами, заполненными книгами. Войдя, Тимош увидел сидящего у окна за столом рыхлого, с грушевидным туловищем мужчину средних лет. У него были узкие плечи и непропорционально короткие руки; плешь на круглой, как арбуз, голове окружали редкие рыжеватые волосы, словно нимб. Мужчина обложился толстенными книгами, судя по потемневшим кожаным переплетам, старинными. Услышав, что кто-то вошел, мужчина поднял голову, но взгляд у него за толстыми линзами очков был отсутствующим, выражение лица мечтательным, и было ясно, что его мысли далеко отсюда. Тимош молча оседлал стул напротив, взял первую попавшуюся книгу и стал листать. Гравюры, портреты, текст на польском.

– Извините, задумался. Вы, верно, племянник господина Вилкаса, художник? – Тонкий голос никак не соответствовал плотному телосложению архивариуса.

– Именно так.

– Прошу прощения, как вас по имени и по батюшке величать? А то я запомнил.

- Величать меня просто – Тимош.
- Как вам будет угодно.
- Вы библиотекарь?
- Не совсем так, я занимаюсь архивом господина Вилкаса, пишу историю шляхетского рода Вилкасов от его родоначальника – Раудонаса. Поэтому я скорее архивариус.
- А как к вам обращаться?
- Меня зовут Ефим Натанович. – Архивариус протянул пухлую и очень мягкую руку. – Очень приятно!
- Ефим Натанович, так с кого мне начать, чей портрет писать первым?
- К сожалению, большинства портретов членов рода Вилкасов мне не удалось обнаружить. Эта фамилия довольно распространенная в Литве, и мне надо было искать именно тех, чьим предком был Раудонас Вилкас – Рыжий Волк. Нашел не все портреты, и то лишь начиная с середины XIX века. Их вы можете увидеть.
- Мне дядя сказал, чтобы я в первую очередь занялся портретами его самых далеких предков. Как мне поступить? Фантазировать? Придумывать, как они выглядели?
- Вы сможете нарисовать портрет, руководствуясь описанием их поступков, действий? Ведь для художника главное – передать не внешнее сходство, а сущность?
- Похоже, вы лучше разбираетесь в портретной живописи, чем я, – съязвил Тимош, испытывая неприязнь к этому несуразному человеку. – Может, вы сами этим займетесь?
- Прошу прощения, Тимош, – забеспокоился и как-то сник Ефим Натанович. – Просто я подумал...
- Прекрасно! Вы подумали!
- Тимош понимал, что неправ, что его грубость ничем не оправдана, но нервозность из-за неопределенности его положения в этом чуждом для него доме требовала выхода негативной энергии.
- Еще раз прошу вас простить меня, я не буду вам мешать рисовать портреты.
- Портреты пишут, а моряки не плавают по морям, а ходят. Проехали! – Тимош, сделав усилие над собой, взял себя в руки. – Следуя желанию дяди, мне надо начать с портрета основателя рода, напомним, как его звали?
- Раудонас Вилкас – Рыжий Волк. К сожалению, нигде в хрониках и других исторических документах я не встретил описания его внешности.
- Итак, мы имеем только то, что он был рыжий, – для начала неплохо, но где возьмем остальное?
- Тимошу вспомнился совет Сальвадора Дали художникам: «Предел тупости – рисовать яблоко как оно есть. Нарисуй хотя бы червяка, истерзанного любовью, и пляшущую лангусту с кастаньетами, а над яблоком пускай запорхают слоны, и ты сам увидишь, что яблоко здесь лишнее». «Исходя из этого посыла гения, не стоит заморачиваться на конкретике, когда пишешь портрет. Достаточно изобразить несколько деталей, например воротник от средневекового костюма, женскую подвязку и шпагу с лезвием в виде спирали. Лицо в профиль поделить на элементы, изобразить в кубической форме, разделенные половинки алых губ не должны совпасть, а острый нос-треугольник будет нагло выпирать. Главной деталью, сразу привлекающей внимание, должна стать узкая рыжая борода с узелком на конце. Над головой будут порхать оскаленные кровожадные волки с лисьими хвостами, символизирующие хитрость – отличительную черту Вилкасов. Вот только как отнесется к подобному портрету своего предка дядя Гриша?» – рассуждал Тимош.
- Прекрасно! – раздался от двери голос Марты. – Вы уже на рабочем месте, Тимош.
- Марта, может, ты расскажешь, каким образом мне писать портреты, не имея описаний внешности? – раздраженно поинтересовался Тимош.

– Расскажу. Господин Вилкас, его отец и дед вобрали в себя черты своих предков. – Марта протянула пачку фотографий. – В остальном вам поможет ваше воображение. Все равно никто не сможет доказать, что они выглядели иначе.

«Марта права: не стоит на этом заикливаться, достаточно будет придавать портретам лишь определенное сходство с Григорием Вилкасом, нынешним воплощением их рода».

– Тогда дело за малым – холстами, красками, кистями, растворителями, альбомом для набросков.

– Подготовьте список необходимого, и к завтрашнему утру все это у вас будет.

– Может быть, лучше мне самому поехать и выбрать то, что мне нужно?

В Тимоше вновь вспыхнуло желание немедленно уехать отсюда. «Черт с ним, с этим завещанием, – дядя Гриша не похож на умирающего, а прозябать здесь, ждать наследства годами, а может, десятилетиями – это никакие миллионы не окупят. Моник очень красивая и чувственная девушка, и Жерар не просто так вертится возле нее».

– К сожалению, это невозможно. – Марта изобразила на лице притворное сочувствие. – Господин Вилкас срочно требует вас к себе.

– Зачем я ему понадобился?

– Идемте! – Марта красноречиво посмотрела на архивариуса – мол, нечего при нем такие разговоры вести. Выйдя за дверь, она пояснила: – Приехал нотариус. Господин Вилкас собирается немедленно подписать завещание, но хочет, чтобы ты с ним вначале ознакомился.

– Почему дядя, пышущий здоровьем, спешит с этим?

– Не все так просто в датском королевстве. Недавнее покушение и еще кое-какие обстоятельства вынуждают его поторопиться. Может, он сам тебе это пояснит?

– Вчера мы не обо всем поговорили. Можешь подробнее рассказать о покушении?

– Как-нибудь при случае, хотя рассказывать особенно и нечего. Кто стрелял и по чьему заказу, неизвестно.

Марта рассталась с Тимошем у дверей в апартаменты Вилкаса, и в кабинет его провел как всегда молчаливый Иван Иванович.

4

– Вы внимательно ознакомились с текстом завещания, его условиями? – Толстый очкастый нотариус уставился на Тимоша, словно тот задолжал ему крупную сумму и никак не хочет вернуть долг.

«Завидует очкарик, небось сам хотел бы оказаться на моем месте». Тимош недоуменно пожал плечами:

– Вроде прочитал.

– В нотариально заверенном завещании каждая буква имеет силу закона – нужно быть очень внимательным. Если вы как наследник будете постоянно проживать с наследодателем, то с момента открытия наследства вы считаетесь принявшим наследство. Идти к нотариусу в срок, установленный для принятия наследства, вам в этом случае не нужно. Но, если вы не поменяете свою фамилию на Вилкас, у вас не будет права наследования, так как это предусмотрено условием завещания.

«Ого! Я стану Вилкасом?! Тимош Вилкас – звучит неплохо! Может, и имя сменить? Томас Вилкас!» Его раздражал нотариус своими сентенциями – создавалось впечатление, что ему чуть ли не завтра предстоит принимать наследство. Тем паче этот разговор проходил в присутствии дяди Григория, которого это явно забавляло. Тимош не понимал, что в этом забавного, ведь речь шла о том времени, когда дядя будет уже лежать на кладбище в гробу под двумя метрами земли.

– Обязуюсь читать этот текст каждый вечер перед сном, пока не вызубрю наизусть! – не выдержав, съязвил Тимош.

– К сожалению, у вас нет такой возможности: копию завещания вы не получите – это не предусмотрено законом.

Очкарик-буквоед еще полчаса мурыжил Тимоша, чтобы тот осознал, насколько теперь прописаны правила его жизни на этом клочке бумаги, и только после этого дал напечатанный текст завещания на подпись Вилкасу. Тот размашисто расписался.

Выйдя из кабинета дяди, Тимош вспомнил о вчерашнем вечернем разговоре с Мартой и решил его продолжить. Набрав номер ее мобильного телефона, договорился с ней встретиться в парке.

Когда Тимош пришел в условленное место, девушка уже была там, ожидала его в беседке.

– Марта, ты вчера говорила о проклятии рода Вилкасов, а можно поподробнее?

– Имеется на этот счет легенда. Около трехсот лет тому назад хозяином замка и окрестных земель был старый Кейтус Вилкас, литовский шляхтич, принявший католицизм. Его сын Йогайло примкнул к польской шляхте, выступившей против короля¹⁰, издавшего указ об уравнивании в правах православных и католиков. Собравшись в воинские отряды, они напали на православных и расправлялись с ними, вешали священников. Это привело к восстанию на Украине¹¹ под предводительством казака Железняка. Один из отрядов восставших появился в нашем краю, повстанцы сожгли и разграбили замок, перебили слуг, повесили старого Кейтуса и ксендза, но Йогайло удалось скрыться в лесу. Из-за лютой ненависти превратился тот в волка и ночами стал нападать на жителей окрестных сел, которые принимали участие в разграблении замка, перегрызал жертвам горло, не щадя ни стариков, ни младенцев. Почти четыре года он лютовал, нагоняя в ночную пору страху на местных жителей, и никак не могли его изловить и уничтожить. Лишь когда война закончилась, Йогайло вновь появился в наших местах, при чинах, данных российской властью, и заново отстроил замок. Люди, хоть и реже, снова стали пропадать, в основном юные девушки. Вернулась только одна девушка, через полгода после своего исчезновения, уже беременная. Она была крайне испуганной, ни просьбы, ни угрозы не дали результата – она так и не рассказала, где находилась все это время, кто отец ее будущего ребенка и где искать остальных пропавших девушек. Но все было понятно и без ее признаний. Жители села, находившегося всего в двух километрах от замка, поднялись как один и захватили замок. На этот раз Йогайло не удалось скрыться, замок разрушили, а его растерзали, тело сожгли и прах развеяли по ветру. Спасшаяся девушка вдруг вновь исчезла. Жители села жестоко поплатились за этот бунт: прибывшая военная команда подвергла их всех телесным наказаниям, а два десятка мужчин были признаны зачинщиками и отправлены на каторгу. Ни один из них обратно не вернулся. А через некоторое время в период сильной засухи вдруг с нескольких сторон запылало село и сгорело дотла. Посчитав это место проклятым, оставшиеся в живых жители расселились по соседним селам. Спустя еще какое-то время сын Йогайло и его мать взялись за восстановление замка. Этот сын – прадед нынешнего владельца замка, и с тех пор идет молва, что в их жилах течет кровь оборотня.

– Предательство, оборотни, легенды... Каким образом это связано с завещанием и со мной?

¹⁰ Имеется в виду Барская конфедерация (1768 г.) – вооруженный союз польской шляхты, направленный против короля Речи Посполитой. Конфедерация объединяла консерваторов, требовавших сохранения привилегий Католической церкви и шляхетских вольностей.

¹¹ Колиивщина, восстание православного крестьянского и казацкого населения на Правобережной Украине в 1768 году против крепостнического, экономического, политического, религиозного и национального гнета Речи Посполитой.

– Я уже говорила тебе, что мужчины рода Вилкасов не умирают своей смертью. Григорий Вилкас человек очень тяжелый, у него мало близких друзей. В основном это его партнеры по большому теннису, которым он увлекался, когда был здоров, и преферансу. Раньше здесь были неплохие корты, но после травмы Вилкас приказал на их месте разбить газон и клумбы, из развлечений у него остались преферанс с друзьями и... – Марта сделала многозначительную паузу. – Иногда они занимаются астрологией и спиритизмом – вызывают духов умерших людей, чтобы узнать будущее.

– В двадцать первом веке?! Не ожидал такого от дяди!

– Тебя познакомили с Валентиной Сергеевной?

– Ихтиологом?

– Помимо рыб она занимается астрологией, нумерологией, проводит спиритические сеансы. Та еще штучка! На последнем спиритическом сеансе дух отца Григория Вилкаса предсказал ему, что он не доживет до своего дня рождения, а до него осталось меньше полугода.

– Ты хочешь сказать, что дядя поверил в подобную чушь?!

– Судя по тому, что он поспешил оформить завещание, поверил. А может, покушение к этому подтолкнуло.

– Мне тоже стоит в это поверить? – усмехнулся Тимош. – Хотя, если было покушение... Расскажи о нем.

– Ты только не трепись – это я тебе рассказываю по секрету. Незадолго до твоего приезда в Вилкаса стреляли, он чудом остался жив. Я была при этом и чуть не стала мишенью киллера.

– Оказывается, тут не такой уж сонный край, как я думал. Поэтому везде дядя поставил охрану?

– Охрана и раньше была. Киллер проник сюда через непроходимое болото. Возможно, в следующий раз смогут придумать что-нибудь более оригинальное. Не исключено, что киллер – кто-то из обслуживающего персонала замка. Для этого здесь постоянно находится Николай Николаевич, он пытается его или их вычислить.

– Много врагов у дяди?

– Трудно сосчитать, а вот друзей нет. В его окружении есть только партнеры и слуги.

– Слуги? Ты имеешь виду, прислуга?

– Прислуга – это другое. Слуги – это зависимые от него люди. Вот я – слуга.

– А я кто?

– Пока никто, но, думаю, Вилкас отвел тебе роль партнера, раз сделал своим наследником.

– С чего это ты так заботаешься обо мне?

– Вдруг и в самом деле ты займешь место Вилкаса? Мне не хотелось бы в этом случае искать новую работу. – По тону Марты Тимошу было непонятно, говорит она это серьезно или издевается над ним. – Я тебе рассказала значительно больше того, что следовало. Прошу, не вздумай проболтаться об этом Вилкасу.

Тимош пристально всмотрелся в лицо Марты, пытаясь проникнуть в ее мысли. «Кто ты – друг или враг? Твои советы от доброго сердца или это хитрая уловка, чтобы я пал в глаза дяди?» Несмотря на молодость, Тимош уже научился немного разбираться в людях. Ему приходилось сталкиваться с проявлениями в отношениях между людьми и зависти, и подлости, и бесчестности, и двуличности.

Расставшись с Мартой, Тимош вернулся в библиотеку. Архивариус протянул ему несколько листов.

– Это сканы всей найденной информации о Раудонасе Вилкасе, как вы просили. Собственно, эта информация имеет вероятностный характер, как и портрет, который вы собира-

етесь написать. Его участие в Грюнвальдской битве, похищение короны, предназначавшейся князю Витовту, – ни обстоятельства, ни тем более детали этих событий до нас не дошли.

– Оставим Раудонаса, что вы знаете о родовом проклятии рода Вилкасов? Если не ошибаюсь, это как-то связано с Йогайло Вилкасом?

– Вот вы о чем! Легенда о проклятии рода Вилкасов имеет более ранние истоки – XV век. Все началось как раз с Раудонаса Вилкаса.

– Мне любопытно об этом знать как можно больше – хочется, чтобы портрет Раудонаса Вилкаса получился максимально приближенным к оригиналу. – Тимош вернул листки архивариусу. – Здесь слишком сухая информация, одни «кости», а мне требуется «мясо».

– Будь по вашему. – Архивариус оживился. – Перескажу вам дошедшую до нас хронику о похищении королевской короны для великого князя литовского Витовта. Один из литовских рыцарей, Вингалл Дзевялтов из гербового рода¹² Задора, присутствовавший при этом, описывает это так. – Голос архивариуса обрел силу, тон стал торжественным. – Мы с вами отправимся в 1430-й год от Рождества Христова.

* * *

По широкой тропе, вьющейся через сосновый лес, длинной змеей растянулся конный отряд в полсотни копейщиков, блестя на солнце доспехами и оружием. В голове отряда знаменосец гордо возносил хоругвь, где на красно-желтом фоне скакал всадник, вооруженный мечом, – герб Великого княжества Литовского. Хотя лето 1430 года от Рождества Христова уже было на исходе, стояла небывалая жара. Воины стоически переносили ее, не сбрасывая с себя тяжелых доспехов, словно в самое ближайшее время им предстояло вступить в смертельную схватку с врагом. «Змеей» посередине разрывала тяжелая карета, запряженная шестеркой лошадей, заметно замедляющая продвижение всего отряда. На плотной занавеске, прикрывающей окно кареты, были изображены папская тиара и под ней перекрещенные ключи – золотой и серебряный, и это говорило о том, что в ней едет папский посланник не ниже нунция.

Возглавляли отряд два всадника в богатых доспехах, без шлемов-сервильеров, переданных оруженосцам. Торсы этих воинов прикрывали пластинчатые доспехи-бригандины со стальными наплечниками, покрытые бархатом. Руки и ноги были надежно защищены наколенниками, налокотниками, саботонами¹³. Даже кони у них были защищены кольчужными попонами и латным оголовьем. За спиной у них на плечевых ремнях висели фигурные щиты-тарчи. Несмотря на одинаковое снаряжение и похожие фигуры, всадники разительно отличались друг от друга внешностью и возрастом. Старший, лет сорока пяти, имел длинные темные волосы с проседью, ниспадающие до плеч. У него было суровое квадратное лицо с глубоким шрамом, пересекающим щеку и рот так, что приоткрывались зубы, отчего казалось, что он все время зловеще усмехается. Младший был молод, вряд ли ему было больше двадцати лет. У него было приятное открытое лицо, длинные светлые волосы цвета спелой пшеницы все время находились в движении. Он с любопытством и радостью взирал на мир, и некая мечтательность во взгляде говорила, что он находится под впечатлением от приятных событий и трудности дальнего похода его не волнуют.

¹² В отличие от Западной Европы, польский герб предоставлялся не только одному лицу или семейству, но и так называемым гербовым родам, или гербовым кланам. Зачастую несколько десятков, а то и несколько сотен семейств использовали один и тот же герб.

¹³ Саботоны – латные башмаки.

– Проклятая жара! Будь они неладны, лукавые латиняне, черт бы побрал вероломных поляков! – злобно произнес старший хриплым голосом, словно был простужен, несмотря на жару.

– Отец, ты еще забыл упомянуть псов-рыцарей ливонского ордена, – улыбнулся младший.

– Вингалл, не зубоскаль! Лучше узнай у борова, которого везем, как его самочувствие. Не хватало еще, чтобы он околел от жары, что вполне возможно при таком количестве сала на нем.

– Отец, почему ты враждебно относишься к ксендзам? – Младший покачал головой. – Пора тебе привыкнуть, Литва уже почти полвека христианская страна.

– Это больше, чем мне лет! Проклятие на их голову! – недовольно прохрипел старший. – И не Вингалл ты теперь, как назвал я тебя в честь деда твоего, а Олег – так тебя нарекли попы! Вера отцов в Диеваса, Перкунаса, Сауле¹⁴ осталась лишь в селениях, расположенных среди лесов и болот. От старых богов мы отвернулись, а новые не спешат к нам! Витовт, как и Миндовг¹⁵, принял христианскую веру, но обычаи наши¹⁶ втайне соблюдает. Меня, как и других приверженцев веры отцов, не преследуют, как поступают в Польше и других христианских странах. – Мужчина поднял глаза к небу и с жаром воскликнул: – Лайма¹⁷, пошли нам удачу, чтобы мы благополучно выполнили поручение нашего князя! Гильтине¹⁸, обойди нас своим вниманием!

Вингалл отъехал в сторону, придержав коня, дождался, когда карета поравняется с ним, и сдвинул занавеску. Внутри находился толстый бритый мужчина в сутане, с круглым, лоснящимся от пота лицом, в фиолетовой епископской биретте¹⁹. Напротив него сидели двое его служек – мальчики лет по пятнадцать.

– Как самочувствие вашей светлости? – поинтересовался всадник на итальянском.

– Ужасно! Далеко еще ехать? Сделайте остановку, меня совсем растрясло в этой колымаге, такое ощущение, словно колотили цепями по телу. Есть ли поблизости приличный замок?

– Придется немного потерпеть, ваша светлость. Вскоре мы окажемся в Подляшье, и это уже Великое княжество Литовское. Если будет на то воля Господа нашего, то через пять дней будем в Отроках, вотчине великого князя Витовта, и вы сможете денек отдохнуть, прежде чем отправиться в Вильно.

– Всего день?! Я непременно должен отдохнуть дня два-три! Не годится легату святейшего прибыть в Вильно в таком ужасном состоянии.

– Великий князь Витовт приказал сопроводить вас в Вильно, не делая длительных остановок. Мы и так задержались в пути, и великий князь...

– Ты забыл, с какой важной миссией я еду! – прервал его папский легат. – Миропомазание раба божьего Александра²⁰ и вручение от имени его святейшества папы Мартина V королевской короны! Я везу масло из фиала, Святой Стекланницы, которым крестили короля

¹⁴ Диевас – главный среди богов в балтийской мифологии; Перкунас – балтийский бог-громовержец, властитель воздуха, защитник справедливости; Сауле – богиня солнца, жизни и плодородия, тепла и здоровья, она посылает плодородие пашням, помогает страждущим, карает грешников.

¹⁵ Миндовг – основатель первой династии литовских князей, король Литвы.

¹⁶ Имеются в виду языческие верования.

¹⁷ Лайма – одна из трех богинь судьбы.

¹⁸ Гильтине – богиня смерти.

¹⁹ Биретта – традиционный головной убор священников латинского обряда, представляющий собой четырехугольную шапку с тремя или четырьмя гребнями наверху, увенчанными помпоном посередине.

²⁰ Витовт был трижды крещен: первый раз в 1382 году по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 году по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 году по католическому обряду, также под именем Александр.

франков Хлодвиг. Твое дело – сопровождать меня, а сколько времени потратить на отдых, я сам определю.

– Хорошо, я передам ваше пожелание отцу – он отвечает перед великим князем за вашу безопасность.

Вингалл прибавил ходу и догнал отца.

– Его светлость просит задержаться в Отроках на два-три дня. Жалуеться, что очень устал за неделю пути.

– До Отрок еще надо доехать – мало ли что может случиться! А там будет видно, как следует поступить.

– Отец, я вижу, что тебя думы тяжкие гложут. Что с тобой? Кого опасешься? Разбойников? Татар? Ливонских рыцарей? С такой ратью, как у нас, можно с целой армией сразиться. Не понимаю я, зачем такие меры предосторожности? Словно едем не по земле дружественного Польского королевства, а по Дикому полю или по владениям псов-рыцарей.

– Тревожно мне. Не думаю я, что мы спокойно пройдем землю польскую.

– Чего и кого нам бояться? Король польский Владислав²¹ – недавний великий князь литовский Ягайло, с польским королевством мы дружим, а не враждуем. Вы вместе выстояли в битве с рыцарями под Грюнвальдом – вспомни, ты же сам рассказывал!

– Княжество Литовское при Витовте набрало великую силу, и ему несподручно под польской короной. Чтобы заполучить королеву Ядвигу, а с ней и польскую корону, Ягайло пожертвовал многими нашими правами, верой предков. Сейчас куда ни повернись – везде лях сидит. И не литовец Ягайло на польском троне, а король-католик Владислав, который больше печется о поляках, чем о нас, его собратях. Витовт – наша сила и надежда. Став королем, он разорвет позорный Кревский договор²²! Корона для Витовта – это возможность освободиться от власти поляков. Ягайло это понимает и сделает все, чтобы не допустить его коронации.

– Ягайло на съезде прилюдно согласился на корону для князя Витовта.

– На словах, но это не значит, что и на деле. И не забывай, что кровь отца Витовта, князя Кейстута²³, на руках Ягайло. Думаю, что об этом не забыли ни Ягайло, ни тем паче Витовт.

– Отец, посмотри, что там? – забеспокоился Вингалл.

Слова отца посеяли в нем тревогу. Впереди показался небольшой конный отряд – с десяток всадников. Старший мужчина резко поднял руку и придержал коня, давая этим знак остальным остановиться. Бывалые воины сразу перестроились в боевой порядок, так, что карета с папским посланником оказалась у них в тылу. Приблизившиеся к ним всадники также остановились, ничего не предпринимая.

– Неужели ты думаешь, что они собираются нас атаковать? – воскликнул Вингалл, которого охватило возбуждение при мысли о предстоящем бое. – Да их раз в пять меньше! Даже издалека видно, что это не татары и не псы-рыцари. Давай я возьму с десяток воинов и выведу им навстречу.

– Осторожность не помешает. Что, если это передовой отряд, а главные силы прячутся в засаде? Ожидают, что мы разъединим силы, чтобы нанести удар. Запомни, Вингалл: никогда не рассчитывай, что противник слабее, даже если видишь, что превосходишь его численностью. Всегда будь готов к встрече с равным по силе противником.

²¹ Польский король Владислав II Ягелло.

²² Кревская уния 1385 г., соглашение о династическом союзе между Великим княжеством Литовским и Польшей, по которому литовский великий князь Ягайло, вступив в брак с польской королевой Ядвигой, провозглашался польским королем.

²³ Великий князь литовский (1381–1382), отец Витовта. Вел борьбу с Ягайло. Кейстут согласился на переговоры с Ягайло и был обманом захвачен в плен вместе с Витовтом, заключен в Кревский замок, где его задушили 15 августа 1382 года.

От отряда отделился всадник и во весь опор поскакал к ним.

– Переговорщик. – Вингалл сощурился, вглядываясь в приближающегося всадника, и вдруг радостно воскликнул: – Отец, это не иначе как Раудонас Вилкас!

– Свои! Лайма нам помогает! – обрадовался старший мужчина и выехал навстречу приближающемуся всаднику, крупному рыжеволосому мужчине лет сорока, с длинными обвислыми усами, в русской кольчуге.

Встретившись, друзья обнялись. Не раз они сражались вместе в жестоких битвах, стойко стояли плечом к плечу, разя врага, и полностью доверяли друг другу, как братья.

– Я рад тебя видеть, Раудонас. Как я понимаю, твое появление тут неслучайно. Ты с хорошими новостями?

– Новости у меня не плохие и не хорошие, Сирвидас, – это уж как ты их воспримешь. Господин наш, великий князь Витовт, с нетерпением ожидает тебя в Вильно. На коронацию уже прибыл сын великого князя московского Василий Дмитриевич вместе с Софьей²⁴. Прибытие короля польского Владислава с большой свитой ожидается в ближайшие дни. Послал меня к тебе воевода из Алитуса, так как ему стало известно, что ждешь тебя на этом пути западня. По его заданию выехал я тебе навстречу, чтобы предупредить об опасности. И действительно, я видел множество вооруженных поляков верстах в десяти отсюда, недалеко от местечка Сувалки. Их более сотни, видимо, будут ждать тебя на переправе через речку Чорна Ханьча.

– Что посоветуешь мне, побратим Раудонас? Может, совместно ударим по ним?

Раудонас Вилкас покачал головой:

– Я видел вооруженных польских воинов под предводительством польского боярина герба Апданк, а что они задумали, мне неведомо. На твоём месте я постарался бы избежать столкновения – тебя потом поляки обвинят, что ты первый на них напал неизвестно по какой причине. Лучше лесными тропами обойдем переправу у Сувалок и переправимся выше. Я прекрасно знаю эти места и брод у деревни Крушки. Затем пойдем на Вилковишки и до Алитуса, на переправу через Неман.

Сирвидас несколько минут молча раздумывал и затем согласно кивнул:

– Будь по-твоему, побратим. Да поможет нам богиня Лайма!

Вилкас махнул рукой, и вскоре его воины влились в отряд Сирвидаса. Следуя указаниям Вилкаса, они свернули с главной дороги и стали двигаться по узкой тропе через лесную пушу, еще больше растянувшись.

– Отец, не делаешь ли ты ошибку? – встревожился Вингалл, так как в случае внезапного нападения на узкой тропе всадники были бы лишены возможности маневрировать. – Может, тебе следовало бы выслать разведку и проверить слова Вилкаса? Посмотреть, кто находится у переправы в Сувалках. И почему воевода из Алитуса, послав к тебе Вилкаса, не снабдил его письмом?

– Ему известно, что я хороший вояка, но не умею ни читать, ни писать, – усмехнулся Сирвидас. – Вилкаса он послал, так как знает, что ему я доверюсь, а кому-либо другому – нет, даже если у того будет письмо с печатью. Раудонас Вилкас – надежный и опытный воин.

– Хорошо, отец. Делай, как считаешь нужным.

Но доводы Сирвидаса не успокоили Вингалла. Он стал внимательно наблюдать за Вилкасом, и ему показалось, что тот при внешнем спокойствии на самом деле нервничает.

В лесу царил прохлад, и воины, измученные жарой на открытой местности, несколько приободрились и повеселели. Лес то вплотную подступал к тропе, и тогда воинам приходилось рубить ветки деревьев, чтобы могла проехать карета с папским посланцем, то неожиданно расступался, и солнечный свет разгонял лесной полумрак. Сумрачный листвен-

²⁴ Князь Василий, сын Дмитрия Донского, был женат на дочери Витовта Софье.

ный лес сменил светлый сосновый. Вингалл вновь подъехал к карете, чтобы узнать, каково самочувствие папского легата. Вдруг заухал пугач.

«К чему бы это? Ведь сейчас не ночь!» – пронеслось в голове Вингалла, и мышцы его сильного тела инстинктивно напряглись. Лесную тишину взорвали выстрелы пищалей и арбалетов. Десятки арбалетных болтов, словно злые шмели, полетели в воинов-литовцев, с близкого расстояния пробивая их доспехи, словно бумагу. Послышались крики раненых и умирающих, ржание лошадей. Впереди несколько деревьев с ужасающим шумом и треском рухнули, перегородив дорогу. Коварный враг безнаказанно расстреливал литовцев из-за деревьев, располагаясь на пригорке, из «гнезд», устроенных на верхушках деревьев. Несколько литовских воинов, попытавшихся атаковать неприятеля, завязли в густом кустарнике. Вингалл ужаснулся, заметив, что их хоругвь больше не реет впереди и отца нигде не видно. Только горстка оставшихся в живых литовцев отчаянно рубилась с воинами предателя Вилкаса.

– Литовцы, вперед! – выхватив из ножен меч, крикнул Вингалл воинам, оставшимся за каретой и почти не пострадавшим.

В голове Вингалла пронеслась мысль: «Отец будет недоволен, ведь я оставил без охраны карету с посланцем папы и короной!» – но он уже не мог остановиться. Они налетели как вихрь на противника, и им удалось потеснить воинов Вилкаса, которым, чтобы не быть уничтоженными, пришлось спешиться и перебраться за поваленные деревья, под прикрытие арбалетов и пищалей. Разгоряченный боем Вингалл приказал собрать раненых и отступить к карете. Среди павших воинов он увидел мертвого отца – в шее Сирвидаса торчал кинжал. Вингалл закричал зубами от ярости, догадавшись, кто нанес этот подлый смертельный удар, в самом начале боя лишив отряд командира. По приказу Вингалла два воина подняли тело отца и положили его на лошадь. Вингалл пересчитал литовцев, способных сражаться, – их осталось меньше двух десятков, остальные были убиты или тяжело ранены. Заглянув в карету, Вингалл испытал облегчение, поскольку епископ находился внутри, хотя и был смертельно напуган. Но, взглядевшись в лицо священника, он понял: произошло что-то ужасное.

– Корона... – едва смог выдать из себя трясущийся от страха епископ. – Ее похитили!

– Вингалл! – раздался громовой голос, и молодой воин увидел на баррикаде из поваленных деревьев Раудонаса Вилкаса. – Послушай меня...

– Подлый предатель! Ты убил моего отца, своего побратима, поверившего тебе!

– Что сделано – то сделано. Уходите, и тогда вы останетесь живы!

– Нам не страшно умирать! Смерть предателю! – Красная пелена бешенства застлала глаза Вингалла, у него было единственное желание: добраться до Вилкаса и изрубить его на куски. – Литовцы, вперед!

Воины снова бросились в бой, хотя и понимали, что это бессмысленно. Выстрелы из арбалетов, самострелов и пищалей сразу скосили половину отряда. Остальные литовцы спешили, чтобы добраться до врага, прячущегося за деревьями, но тяжелые доспехи конника стали для них обузой, не позволяли двигаться достаточно быстро. Раудонас Вилкас, вооруженный боевым топором-секирой, вышел навстречу Вингаллу. Напор молодого воина был таким яростным, что казалось, вот-вот справедливость восторжествует и предатель будет наказан, но боевой опыт и большая подвижность в легкой кольчуге перевесили чашу весов на сторону Вилкаса. Мощный удар топора, достигнув цели, разрубил железо и сломал ключицу молодому воину. Меч выпал из рук Вингалла. Следующий удар пришелся по шлему, и, хотя тот выдержал, в голове у воина зазвонили тысячи колоколов и он упал на одно колено, но, не удержавшись, рухнул на землю. Один из воинов Вилкаса тут же подскочил к находившемуся без сознания Вингаллу и сбросил с его головы шлем, намереваясь ударом кинжала в шею оборвать его жизненный путь.

– Мы даруем ему жизнь – он храбрый воин! – крикнул Вилкас.

Оставшиеся в живых литовские воины прекратили сражаться и, с разрешения Вилкаса прихватив раненого Вингалла, отступили.

Через две недели еще не оправившийся от ран Вингалл добрался до Вильно, но известие о пропаже короны достигло столицы Великого княжества Литовского раньше. К великому князю Витовту Вингалла не допустили, ему сообщили, что тот крайне рассержен и не хочет его видеть.

– Это были поляки! Они подкупили Раудонаса Вилкаса и с его помощью захватили корону! – лихорадочно доказывал Вингалл воеводе Довьяту.

– Ты видел среди нападавших поляков или, может, взял кого-нибудь из них в плен? – гневно прогремел воевода. – Ты хочешь, чтобы наши дружественные отношения с Польским королевством испортились?! Король польский Владислав II, брат великого князя Витовта²⁵, находится в Вильно и скорбит вместе с ним о потере. Больше нигде не говори об этом! Не сносить тебе головы, если твои речи дойдут до великого князя!

Вингалл опустил голову, но затем дерзко посмотрел на воеводу:

– Выходит, корона потребовалась именно Вилкасу? Неужто чтобы в ней покрасоваться? Или он сам хочет стать королем?

– Я тебе добра желаю, – более мягко произнес воевода. – Дай срок – все прояснится, а пока молчи! – Затем продолжил задумчиво: – Раудонас Вилкас не пошел бы на это злодеяние лишь из-за золота, не предал бы и не погубил своего друга – твоего отца. Тут что-то иное. Могли быть к этому причастны польские шляхтичи? Могли. Но и ливонские рыцари имели свой интерес: если бы Витовт получил корону от папы римского, это лишило бы их возможности совершать грабительские набеги на нашу страну. А младший брат короля Свидригайло²⁶, сколько раз он хотел занять престол великого князя литовского вместо Витовта? Он ведь не отказался от своей задумки, а лишь затаился. За ним сила стоит великая – православные русские князья, которым не нужно католическое Литовское королевство. Иди и молчи! Время все расставит по своим местам и раскроет все тайны!

* * *

Взволнованный архивариус замолк, вытирая пот со лба.

Тимош слушал захватывающую историю вполуха, не прерывая рассказчика, увлекшегося своим повествованием, по-видимому, процентов на девяносто присочиненным им самим.

– Рыцарь Вингалл, вернувшийся к языческой вере предков, все же настиг Раудонаса Вилкаса в его замке на Полесье. Гарнизон замка отказался противиться воле Великого князя Витовта и выдал Раудонаса, но короны при нем не оказалось. Под угрозой позорной казни Раудонас был вынужден согласиться на поединок с Вингаллом. В случае своего поражения Раудонас пообещал вернуть похищенную корону, но, получив смертельную рану, умер, так и не сообщив, где ее спрятал. Жрец литвинов проклял Раудонаса и его род, обрекая на то, что никто из них не умрет в постели от старости и даже после смерти не будет знать покоя. Последнее было истолковано жителями деревни, которая в те времена находилась возле замка, так, что Вилкасы после смерти станут оборотнями-волками. Они выкопали и сожгли тело Раудонаса, развеяв прах по ветру. Так возникла легенда о проклятии, наложенном на Вилкасов, которые после смерти мстят людям, приняв облик оборотня или упыря.

²⁵ Великий князь Ягайло, двоюродный брат Витовта, в результате женитьбы на польской королеве Ядвиге стал польским королем под именем Владислав II Ягелло с 1386 г.

²⁶ Младший брат короля польского Ягайло вел с Витовтом, двоюродным братом, борьбу за Великое княжество Литовское. Принял православие, в отличие от Витовта, принявшего католичество.

Относительно истории с Йогайло Вилкасом точно известно только то, что он примкнул к восставшим полякам и был расстрелян русским карательным отрядом. То, что Йогайло терроризировал местных жителей после своей смерти, и то, как поступили селяне с его телом, известно лишь из местной легенды. Еще в начале 90-х годов тут был хутор, но уже в начале нашего века от него ничего не осталось – местные жители разбрелись по соседним деревням.

– Местная выдумка, – подытожил Тимош. – Похищенная корона так и не нашлась?

– Не так и не этак. – Архивариус понизил голос. – Ходят упорные слухи, что Григорий Вилкас поселился здесь именно ради того, чтобы найти корону, похищенную его предком.

– Его поиски не увенчались успехом?

– Как сказать... – У архивариуса забегали глазки, он быстро поднялся. – Прошу меня простить, я вспомнил о неотложных делах. Завтра в это время встретимся здесь, и я вновь буду к вашим услугам. Еще раз простите меня. – И архивариус вынес свое грушевидное тело из библиотеки.

«Интересно, на сколько бы потянула такая корона, если бы нашлась?» – подумал Тимош и порылся в интернете на сайтах международных аукционов, пытаясь найти подобные лоты. Результат его ошеломил: стоимость короны могла составить десятки миллионов евро! Возможно, это превышало стоимость всей компании Вилкаса, включая карьеры и камнеобрабатывающий завод!

Вечером, к разочарованию Тимоша, голубка не прилетела, но он все равно крошил ей хлеба на отлив за окном.

5

Прошла всего неделя с тех пор, как Тимош стал жить в доме-замке Вилкаса, а ему уже казалось, что он прозябает здесь всю жизнь. Ночами его донимала громкая музыка, доносившаяся из соседней комнаты, где проживала вместе с сиделкой мама Вилкаса. Она не могла ночью спать в тишине, а в наушниках слушать музыку не могла. К музыке по ночам Тимош вскоре привык и уже не обращал на нее внимания.

Его развлечением стала голубка, которая прилетала ранним утром и вечером, деловито стучала в окно, требуя еды. Тимош ее кормил, представляя себя узником, несправедливо заточенным в замковую башню, а ее – почтовым голубем, с помощью которого он мог общаться с любимой.

В недельный «юбилей» своего нахождения в замке Вилкаса Тимош словно очнулся от грез о призрачном богатстве. «Молодость проходит, а я застыл здесь, как муха в янтаре...» Жизнь в Париже казалась сном-сказкой, и даже Моник приобрела облик, далекий от реального. Это не означало, что он стал меньше ее любить, наоборот, его любовь к ней была похожа на лавину, сходящую с гор. Вернее, на лавину за мгновение до того, как она должна сойти.

Вечерами он болтал с Моник и с ужасом замечал, что она отдаляется от него. Треклятый Жерар не маячил за ее спиной, но его имя часто слетало с ее уст. «Жерар сказал...», «Жерар посоветовал...», «Жерару понравилось...», «Жерар не одобряет...» Правду говорят, что любовь не терпит расстояний и времени, а парижанки крайне легкомысленны! Понимая это, Тимош не мог ни послать к черту дядю Гришу с его наследством, привязавшего его к себе незримой золотой цепью, ни разлюбить Моник, дав себе установку на будущее: «Вот получу миллионы – и все красотки мира будут моими, или почти все! Моник будет еще кусать себе локти!»

Вскоре в Тимоше поселилась ревность, и она по силе эмоций превосходила любовь. Бессонные ночи превратились в пытку. Воображение рисовало эротические сцены с Моник и Жераром – как они, предаваясь страсти, удовлетворяют свою похоть. Да, именно похоть,

так как любовь возможна только между Тимошем и Моник! По крайней мере, он был в этом уверен. Он очень ярко представлял, как утомленная страстью Моник нежно улыбается и смотрит сквозь полуопущенные веки, а этот павиан Жерар... Нет, лучше не продолжать, иначе он сойдет с ума!

Сколько раз Тимош пытался разумными доводами убедить себя, что это лишь игры его разгоряченного разлукой воображения и в их отношениях осталось все по-прежнему... Однако внутренний голос, предатель и сволочь, приводил свои веские аргументы. Можно обмануть кого угодно, но себя-то не обманешь!

Уже на третий день разлуки Моник перестала в конце их разговора спрашивать, когда он придет. Тревожный сигнал в истерзанном ревностью мозгу звучал все настойчивее. По инициативе Моник теперь они общались в более раннее время, причем разговоры становились все короче. Непринужденно смеясь, девушка утром объявляла, что вечером она встречается то с одной, то с другой подружкой за чашечкой кофе и бокалом вина. Но с подружками ли она пила кофе и вино? Ох, вряд ли... Проклятый Жерар! Он давно словно коршун вился вокруг Моник, и только присутствие Тимоша его сдерживало. Теперь Тимош далеко, и шансы этого коварного змия-искусителя выросли. А слабость Моник к сладким винам и то, что она после двух-трех бокалов теряла контроль над собой... Да, она могла стать легкой добычей для подлеца Жерара!

Тимош даже не пытался на расстоянии как-то направлять Моник на путь истинный, путь ожидания и смирения, понимая безнадежность этой затеи. Моник же не давала ему монашеский обет! И он осознавал, что и не собиралась... Если он попросит ее держать себя в определенных рамках, Моник просто не поймет, о чем он говорит, чего от нее хочет. Проклятый развратный Париж, где даже муж и жена после вечеринки возвращаются на разных такси, и не всегда домой! Сама Моник наверняка не считает свое поведение предосудительным. Уверена, что она девушка порядочная. Ведь она была верна Тимошу, пока тот был рядом с ней? Была. Тимош покинул ее, хотя она этого не хотела, и сам не знает, когда вернется в Париж. Да и вернется ли... И что же? Она должна ждать его, как верная Пенелопа своего Одиссея? Подобная глупость ей наверняка в голову не приходит!

«Забудь ее и найди другую!» – много раз давал себе установку Тимош. В замке были хорошенькие девушки из обслуживающего персонала, которые с удовольствием согласились бы с ним на непродолжительную, ни к чему не обязывающую интрижку. Но нет – он, как больной, неся ранним утром или вечером к компу, чтобы связаться по вайберу с Моник. И ради чего, спрашивается? Ради очередной порции свежих фотографий, где на каждой третьей похотливо ухмылялся Жерар?!

Работа над портретами мужчин рода Вилкас – воинов, разбойников, авантюристов – не увлекла его, воспринималась им как ремесленничество. Портрет Раудонаса он писал в стиле голландских художников: на темном фоне, в рыцарских доспехах, высветив лишь лицо, имеющее хищное выражение, и родовой бульдожий подбородок. Он решил каждый портрет писать в соответствующем эпохе художественном стиле.

Марта часто заходила в библиотеку, где Тимош оборудовал себе местечко возле окна, согнав оттуда архивариуса. Он установил там мольберт, а на двух сдвинутых столах валялись листы с эскизами будущих портретов, краски, мелки. Любопытная Марта совала свою лисью мордочку во все, иногда комментариями доводя Тимоша до белого каления. Несколько раз он срывался, а она лишь посмеивалась, всем своим видом показывая, что его реакция доставляет ей удовольствие. Почему ей нравилось изводить его, Тимош понять не мог, ведь еще недавно она вела себя с ним по-дружески.

Вот сегодня в банкетной он случайно услышал, как она, посмеиваясь, рассказывала начальнику службы безопасности, что думает о его мастерстве художника. Его убила фраза: «Стены покрасить в квартире я бы ему еще доверила, но писать свой портрет – упаси боже!»

Даже управляющий, Петр Игнатьевич, как-то поинтересовался у Тимоша, из-за чего у него не сложились отношения с Мартой. Понизив голос, он добавил: «Она так близка с Вилкасом, похоже, делит с ним постель». Тимош это понял так, что с Мартой отношения лучше не портить. Но он их и не портил! Это ее отношение к нему изменилось, так что он может поделаться?..

Вернувшись вечером из библиотеки в свою комнату, Тимош ощутил необычайную усталость и раздражение. Он попытался связаться по вайберу с Моник и долго ждал, пока появится ее изображение. Она, как всегда, веселилась в компании друзей, и среди них – ну кто бы сомневался! – был и Жерар. Медленно закипая, он стал что-то сердито выговаривать ей, понимая, что этим только оттолкнет девушку от себя.

– Любимый, ты же слышишь, какой тут стоит галдеж! Мы не сможем нормально поговорить. – Моник засмеялась и приложила бокал со светлым вином к глазу, исказив его.

Это напомнило Тимошу, что именно в таком виде он ее нарисовал. Только на картине глаз оказался непропорционально большим, словно бокал имел свойство увеличительного стекла. И вообще, он заметил, что в его карандашных набросках, которые он делал «для души», черты Моник все больше искажались. Сюрреализм в данном случае был тревожным признаком, но поделаться с этим он ничего не мог. Прямо беда бедовая...

– В последнее время нам все реже и реже удается общаться, – не выдержав, посетовал Тимош.

– Ты прав, любимый. Приезжай скорее, а то меня украдут. Прозит! – Она подняла бокал. – Да, чуть не забыла: завтра мы едем за город, и со мной нельзя будет связаться два дня. Целую, любимый! Чао! – Моник вновь рассмеялась, и картинка погасла.

Тимош разъярился, красная пелена встала у него перед глазами, он снова и снова вызывал по вайберу Моник, но та не отвечала. Интересно, почему с ней не будет связи? Она же не в джунгли Амазонки и не в Антарктиду отправляется, а остается в центре цивилизации! Кстати, и с Антарктидой, и с орбитальной космической станцией давно налажена связь. А вот Моник сказала, что он не сможет с ней связаться два дня. Значит, она планирует к кем-нибудь связь иного рода?

– К чертям собачьим! Уезжаю, и немедленно! Пусть дядя катится со своими миллионами куда подальше! Я хочу жить полной жизнью, а не гнить здесь! – орал Тимош.

В дверь постучали, и, не ожидая разрешения, в комнату вошла Марта.

– Бунт на корабле? – произнесла она с обычной презрительной усмешкой.

– Я уезжаю!

– Далеко?

– В Париж, во Францию!

– К Моник?

– К ней! Постой, откуда ты знаешь ее имя?!

– Наивный мальчик! Думаешь, Вилкас вот так просто решил подарить свои миллионы незнакомцу, пусть и племяннику жены? У Вилкаса имеется на тебя целое досье, ему известно, где ты бывал, с кем спал. Поскольку ты жил за его счет, за тобой постоянно следили, чтобы он мог принять решение. Твое мимолетное увлечение Моник пройдет – все мы испытывали разочарование в любви, тем более если она первая. Извини, но у нее уже есть новое увлечение – твой дядя ради тебя был готов пойти и на эти расходы.

Тимош будто окаменел. Как это понимать? Неужто кто-то из доверенных лиц дяди платит негодю Жерару, чтобы тот ухлестывал за Моник? *За его милую Моник?*..

Марта сощурилась, издевательская ухмылка исказила ее лисье личико. Она медленно развернулась, собираясь выйти из комнаты.

«Эта подстилка Вилкаса еще смеет надо мной насмеяться! Сука! – Тимоша охватило бешенство, его даже затрясло. – Все равно завтра меня здесь уже не будет! Адью, дядя Вилкас! Не сложилось у нас с твоими миллионами! Зато с этой тварью поквитаюсь!»

Тимош, схватив Марту за плечо, рывком развернул ее к себе лицом. При этом с ее блузки посыпались пуговички, стал виден полупрозрачный лифчик.

– Ты! – выкрикнул Тимош, но продолжить не смог – Марта, внезапно обхватив его руками за плечи, тесно прижалась к нему разгоряченным телом, словно собираясь передать свой жар ему, и впилась в его губы.

Тело у нее было соблазнительно упругое и податливое, он непроизвольно обнял ее за талию, потом его руки скользнули ниже. Под тонкой тканью юбки его пальцы нащупали тончайшие трусики. В голове у Тимоша закружилось, он ощутил приятное томление в паху. В нем пробуждалось желание, выжигая из памяти то, что еще несколько секунд назад он ненавидел Марту всеми фибрами души. Теперь же ненависть трансформировалась в страсть, желание обладать.

В его объятиях была прекрасная женщина, желающая того же, что и он. Марта, опустив руки, подтянула юбку повыше и, неожиданно вспрыгнув на него, крепко обхватила ногами его бедра. От сильного толчка Тимош чуть не потерял равновесие и стал пятиться, пока не опрокинулся на кровать. Все исчезло, остались только *он* и *она*. Где-то в глубинах подсознания промелькнул образ Моник, заставив Тимоша напрячься, но Марта, словно ощутив присутствие соперницы, язычком стала щекотать его ухо, погружая его в сладкую истому, и в конце концов одержала над соперницей победу. Она, сняв блузку, швырнула ее на пол, туда же полетел и лифчик – ее прекрасные груди с большими затвердевшими сосками обнажились. Марта с невероятной силой рванула на его груди тенниску, вырывая пуговицы с мясом, превращая ее в тряпку и тем самым как бы призывая Тимоша совершать безумства. Мгновение – и на пол полетела ее юбка со сломанной молнией, за ней – разорванные пополам прозрачные трусики. Ее руки, рот бесстыдно играли на его теле, словно на музыкальном инструменте, и он ощущал невероятное блаженство.

Принято считать, что француженки – самые страстные любовницы. Но никогда Тимош ни с Моник, да и ни с какой другой девушкой не испытывал такого накала страсти, остроты ощущений. Они кончили одновременно и зарылись головами в одну и ту же подушку, заглушая рвущиеся из груди стоны восторга. Тимош первым пришел в себя. Марта еще содрогалась в волнах недавнего оргазма. Его охватила необыкновенная нежность к этой девушке, немного странной, непонятной, но оказавшейся такой страстной.

– Извини, я был неосторожен, – пробормотал Тимош, когда увидел, что Марта стала приходить в себя.

– Я взрослая девочка – знаю, что нужно делать.

– Жаль, что это произошло между нами, когда я уже решил уехать. Мы могли бы... – Тимош замолчал – он вспомнил о Моник.

– Глупости, никуда ты не поедешь! – твердо произнесла Марта. – Завещание в твою пользу Вилкас порвет, как только узнает о твоём отъезде.

– Что ты мне предлагаешь? Жить в этом доме годами, терпеть от него унижения в надежде когда-нибудь заполучить его миллионы? Сколько времени для этого потребуется – год, пять, десять лет? Дядя Гриша может и двадцать лет прожить! Сколько мне тогда будет – сорок три? Вроде не так много, но я уверен: к тому времени я тут сойду с ума! Если я сейчас уеду, может, мне удастся вернуть Моник! Безусловно, как только она узнает о моем приезде, вернется ко мне!

– Никогда не делай необдуманных шагов. Моник непременно вернется к тебе, если ты станешь миллионером. Тогда уже ты будешь решать, надо ли тебе это. Слушайся меня, и у тебя все будет хорошо!

В Тимоше зашевелился червячок сомнения, и он с подозрением посмотрел на девушку. «Может, все это подстроено Вилкасом? Он наверняка может приказать преданной секретарше сделать для него что угодно. А что, если все это – лишь хорошо разыгранная страсть и Марта просто выполняла задание босса? Еще неизвестно, правда или нет то, что она наговорила о Моник...»

– Почему я должен тебе верить?

– Потому что я ненавижу Вилкаса! – вроде бы непроизвольно вырвалось у Марты.

– Почему? Он твой босс, платит тебе хорошие деньги. Где ты еще такие тут заработаешь?

– Не хочу повторять прописные истины типа «не в деньгах счастье». Неужели ты не понял, что все, кто здесь находится, полностью зависят от Вилкаса и вынуждены терпеть его причуды? Начну с себя: я собрала немного денег и хочу простого женского счастья, иметь семью – мужа, детей. – Помолчав, она добавила с горечью в голосе: – Не хочу быть умной куклой для сексуальных утех!

– Ты извини, что у нас ЭТО произошло, – быстро произнес Тимош, почувствовав опасность. – Меня ждет девушка в Париже, я люблю ее! – Он напрягся, ожидая обвинений, а возможно, и истерики.

– Не переживай, у меня есть жених, он живет в Коростене. Мы с ним видимся в выходные. Димка из очень приличной семьи. Он сделал мне предложение.

– Тогда в чем дело? Увольняйся и живи со своим парнем.

– Вилкас, словно паук, опутал своей паутиной всех, в ком заинтересован, – самостоятельно из нее не вырваться! Скажу так: пока Вилкас сам не решит отпустить меня, я от него не смогу уйти. У Вилкаса есть фотографии, он тайно сделал их, без моего ведома, и с их помощью держит меня на крючке. Димка от меня уйдет, если их увидит. Он из очень приличной семьи.

– Вилкас шантажирует тебя?!

– Можно и так сказать.

– Но я не в его паутине! Могу в любое время уйти отсюда. Вернусь к Моник!

– Заблуждаешься! Вилкас с помощью денег сделает все, чтобы ты почувствовал себя ничтожеством и пожалел, что не оценил оказанную тебе честь. Моник ты вряд ли вернешь – уж твой дядя об этом позаботится, можешь не сомневаться!

– Зачем я ему понадобился?

– Вилкас непредсказуем, как снег на горном склоне весной, никто не знает, что творится в его черепушке. Это присуще всем Вилкасам. О проклятии их рода я тебе рассказывала. Можно по-разному к этому относиться, но из мужчин рода Вилкасов действительно никто не умер своей смертью. Накануне смерти очередного Вилкаса кричит пугач, и это воспринимается как знамение. Ему нагадали, что он не доживет до своего следующего дня рождения, и вскоре после этого в него стреляли. Вот и не верь в предсказания!

– Но Вилкас остался жив!

– До его дня рождения еще много времени, и всякое может случиться.

– Ты веришь в предсказания? Разве можно узнать судьбу человека заранее?

– Не важно, во что я верю, главное, что в это верит Вилкас. Я тебе рассказала значительно больше, чем следовало. Прошу тебя, держи рот на замке! Здесь полно лизоблюдов, они сразу же ему доложат. «Духи не обманывают», – сказал Вилкас, когда я попыталась его разуверить в действенности предсказания. Потом в него стреляли, так что смерть тронула его своим крылом.

– В этой лесной глуши вы совсем одичали. Духи предсказывают смерть практически здоровому, крепкому человеку! Стреляли не духи, а те, кто желает ему смерти. Кто это может быть?

– Список велик. Возглавляет его сестра Вилкаса Лайма, она спит и видит себя единоличным владельцем компании. Если бы Вилкаса убили до того, как он подписал завещание в твою пользу, вся компания оказалась бы в ее руках.

– Она его сестра...

– Сводная. Вилкас гадостей ей наделал воз и маленькую тележку! Зол на покойного отца, бросившего их с матерью, а отыгрывается на сестре. Не может смириться с самим фактом ее существования. Как будто Лайма просила, чтобы ее родили... Впрочем, она отвечает ему тем же. Далее по списку его друзья и партнеры по преферансу. Бизнесмен-аграрий Пилипчук – этот должен ему огромную сумму и не имеет возможности рассчитаться, а Вилкас все давит и давит на него, требует вернуть долг. Деньги так хитро пришли к Пилипчику через офшор, что, если Вилкас умрет, никто другой не сможет эту сумму у него вытребовать. Поэтому Вилкас хочет его додавить, считая, что возврат долга гарантирует ему жизнь, если к покушению был причастен Пилипчук. Банкир Антон Валерьянович Зотов – страстный коллекционер. Во время раскопок в этих местах были обнаружены очень ценные артефакты, и Вилкас хранит их в депозитарии его банка.

– Неужели найдена корона, предназначавшаяся князю Витовту?

– Не знаю. До меня дошли лишь обрывки фраз и предположения. Сам понимаешь, эти артефакты в случае смерти Вилкаса достанутся банкиру. Его университетский одноклассник, Сидор Федорович Прохоренко, – заместитель председателя фонда, учрежденного Григорием Вилкасом. Он шикарно живет за счет средств фонда. Лишиться этого источника дохода ему не хочется, и его можно понять, не так ли? После смерти сына Вилкас все свое состояние завещал этому фонду, о чем Прохоренко знает. А вот о новом завещании – нет. Но и в последнем варианте завещания есть пункт, в соответствии с которым, если ты по каким-то причинам не примешь наследство или, – Марта сделала паузу, – станешь покойником, все состояние Вилкаса достанется фонду. Этот пункт, без сомнения, очень заинтересует Прохоренко, когда он узнает о новом завещании.

– Выходит, моя жизнь будет в опасности?

– Я знаю повадки Прохоренко, в 90-е годы промышлявшего рейдерством, так что все может быть. Страшно?

– Немного не по себе.

– Не бойся, пока они недооценивают тебя, не знают, что я с тобой. Назвала тебе лишь главных фигурантов из тех, кому выгодна смерть Вилкаса. Поэтому я вела себя не совсем хорошо по отношению к тебе – надо было показать им, что у нас с тобой обоюдная неприязнь. Надеюсь, все поверили, что ты тут в одиночестве и беспомощен, как слепой котенок.

– Выходит, то, что мы оказались с тобой в одной постели, – не результат сиюминутного порыва?

– Страсти было достаточно. Интимная близость – это некий символ нашего взаимного доверия. Ты хочешь вернуться в Париж небедным человеком, я мечтаю свить семейное гнездышко. Мне скоро тридцать один, и я хочу иметь детей, семью. Как любая нормальная женщина...

– Я так понимаю, у тебя есть некий план, – с иронией произнес Тимош, чувствуя, что непроизвольно напрягся. – Будешь ждать, когда проклятие рода Вилкасов сработает?

– Есть план, но озвучу его не сегодня. Он может принести хорошие деньги – тебе, мне. Не напрягайся, это не связано с проклятием и не угрожает жизни Вилкаса. Отдыхай, когда придет время, мы поговорим на эту тему. Спокойной ночи и хороших сновидений!

6

Последний разговор с Моник выбил Тимоша из колеи. Хотя он храбрился перед Мартой, француженка глубоко засела в его сердце, и он был бессилен перед ее чарами, действовавшими и за тысячи километров. Марта, видя его состояние, предположила, что дело тут не в муках любви, а в уязвленном самолюбии брошенного любовника. Марта не права, он безумно любит Моник! Что бы он ни делал, в голове у него мысли только о Моник, болезненно радостные воспоминания в ностальгической дымке. Он вспоминал ее тело, запах кожи и волос, тембр голоса, ее непосредственность и наивность в житейских вопросах. Все размышления сводились к одному: «Почему она так быстро меня забыла?» Ответ был удивительно простой и без всяких вариаций – не надо было уезжать, гнаться за миражом богатства. Два дня без связи, без общения с Моник показались вечностью, но и на третий день все его попытки дозвониться были тщетными. Тимош обратился за советом к своему «наставнику» и нашел у него описание своего состояния, что его не порадовало.

«Дали все называет своими именами, без сюсюканья. В самом деле, еще немного – и я буду вести себя как полный кретин. Надо взять себя в руки, я же мужчина!» Молчание Моник было выше всяких разумных доводов, и Тимош лишился сна и покоя. Он даже решил больше не открывать книги Дали в поисках ответов на мучившие его вопросы.

Этим вечером Тимош работал в библиотеке над портретом сына Рыжего Волка, но никак не мог «увидеть» его. Он то и дело замазывал начатое, и поэтому вместо лица получилось подобие призрачной маски для Хэллоуина. Звонок айфона болью отозвался в сердце, и это была она – его Моник!

– Бонжур, Тими! – Ее мелодичный голос вознес его на вершину Монблана, да что там Монблан – на Джомолунгму! – Как ты? У тебя все хорошо?

– Ты так долго молчала, Моник! Я переживал!

– Зачем? Я же тебя предупредила, что уезжаю.

– Давай свяжусь с тобой по вайберу – соскучился, хочу тебя увидеть!

– Я недолго, Тими! Хочу сказать, что мы с тобой, Тими, теперь только друзья, и ничего больше!

– Это Жерар?! – У Тимоша перехватило дыхание. – Ему заплатили, чтобы он увел тебя у меня!

– Это моя жизнь, Тими! Оревуар! – И Моник отключилась.

Тимош попытался ей дозвониться, но все время было занято.

«Надо немедленно ехать в Париж! По телефону я ничего не добьюсь!» Тимош стал лихорадочно собирать со стола кисти, краски. «Что я делаю? Зачем это?»

На его плечо опустилась чья-то рука, и он от неожиданности вздрогнул. Это оказался улыбающийся Ефим Натанович.

– Мой друг, вы прекрасно говорите по-французски! Правда, я ничего не понял, мне ближе немецкий и идиш.

– Чего вы хотите?!

– Того же, чего и вы, – идти ужинать. Уже пора.

– У меня нет аппетита, я не пойду!

– Вы взволнованы, мой друг. – Ефим Натанович посмотрел на замазанное лицо на холсте. – Я так понял, вы разговаривали с девушкой, которая вам нравится, и есть проблемы? Не относитесь к этому серьезно. Как говорят в Одессе, откуда я родом, женщина – это всегда алмаз, а вот бриллиант из нее получится или алмазное сверло – это зависит от мастерства огранщика. От себя добавлю: огранка алмаза весьма трудоемкое и хлопотливое занятие, и, прежде чем к нему приступить, подумайте, стоит ли тратить на это свою жизнь? Идемте,

Тимош, покушаем, и мир предстанет перед вами совсем в ином свете. Сегодня я позволю себе пару рюмочек чего-нибудь покрепче, к примеру коньячку. Составите компанию?

Архивариус, несмотря на возражения Тимоша, мягко уговаривая, отвел его в банкетную. В замке Вилкаса все было подчинено жесткому распорядку, установленному самим хозяином. Время завтрака, обеда и ужина было строго регламентировано, никто не смел опаздывать или пропускать их, за исключением самого Вилкаса. Хозяин замка редко участвовал в трапезах, обычно его присутствие вызывало у всех нервозность и скованность, словно присутствующим предстояло сдать некий экзамен. Во время обеда и ужина допускалось употребление алкогольных напитков, которые развозил в передвижном баре бармен Дмитрий, прозванный остряком начальником службы безопасности Демоном за его умение жонглировать бутылками и даже горящими предметами. В обед в передвижном баре были исключительно сухие вина. За ужином в качестве аперитива допускались крепкие алкогольные напитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.